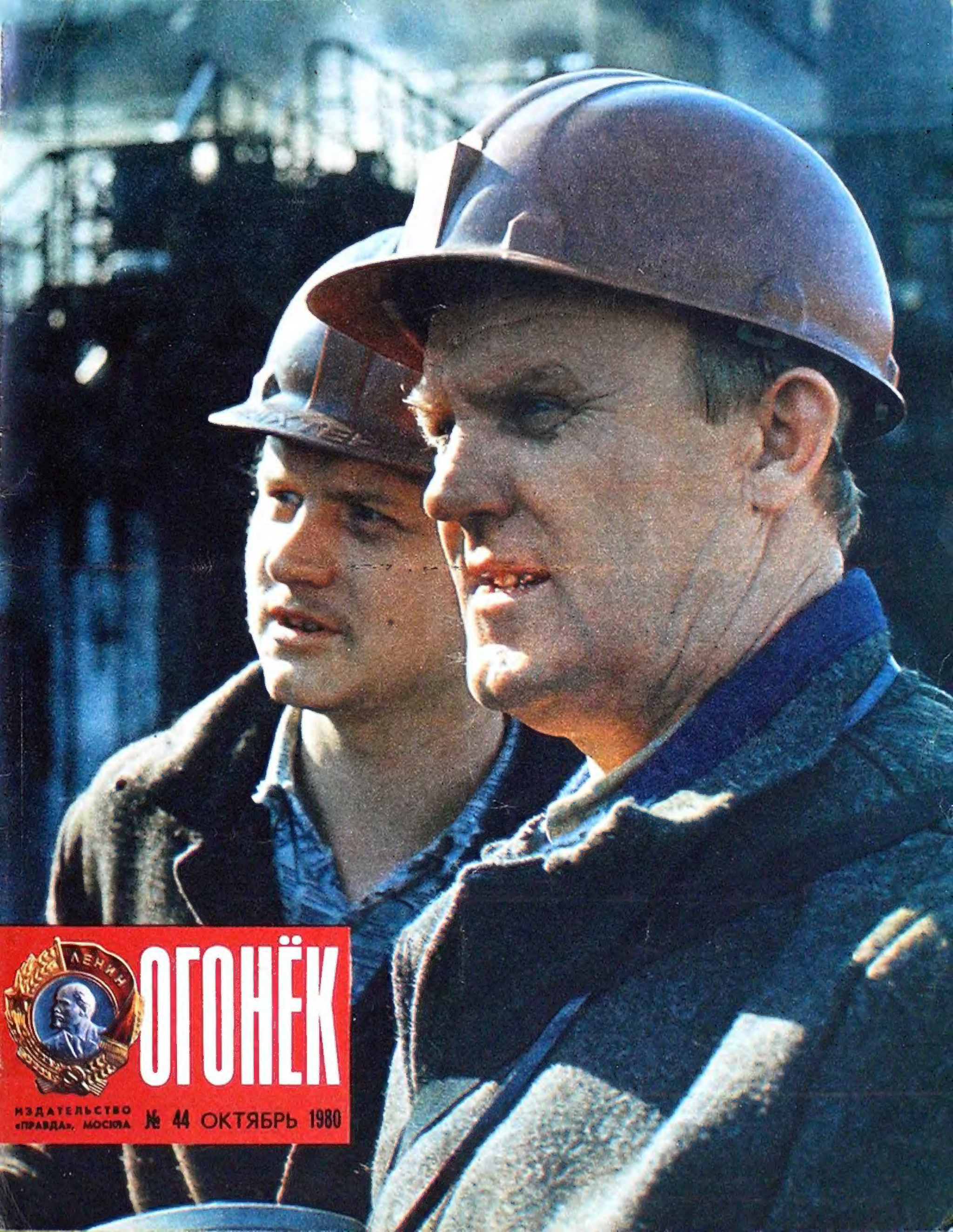

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 44 ОКТЯБРЬ 1980

Москва, 23 октября 1980 года. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей четвертой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ЧЕТВЕРТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО

Выступление товарища Л. И. БРЕЖНЕВА

Товарищи депутаты!

22 октября 1980 года в Центральный Комитет КПСС поступило письмо Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

В этом письме тов. Косыгин А. Н. глубоко и сердечно благодарит Центральный Комитет партии, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, Верховный Совет СССР и Совет Министров СССР за оказывавшееся ему многие годы доверие быть на посту члена Политбюро ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

В своем письме тов. Косыгин А. Н. указывает, что состояние его здоровья, ухудшившееся за последнее время, требует отдыха и освобождения от активной деятельности. В связи с этим тов. Косыгин А. Н. просит освободить его от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Далее в письме тов. Косыгина А. Н. выражается твердая уверенность в том, что советский народ, сплоченный вокруг Коммунистической партии, Политбюро ЦК во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым, добьется новых больших свершений во имя торжества коммунизма, во имя счастья и справедливости на земле.

Политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопрос, поставленный тов. Косыгиным А. Н. Учитывая состояние его здоровья, Центральный Комитет КПСС вносит на обсуждение Верховного Совета СССР предложение удовлетворить просьбу тов. Косыгина А. Н. об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Министров СССР.

Одновременно Центральный Комитет КПСС представляет на рассмотрение Верховного Совета СССР предложение о назначении Председателем Совета Министров СССР члена Политбюро ЦК КПСС Николая Александровича Тихонова.

Долгое время товарищ Тихонов Н. А. находился на ответственной работе в народном хо-

Выступление товарища Н. А. ТИХОНОВА

Уважаемые товарищи депутаты!

Позвольте выразить глубокую благодарность Центральному Комитету партии, Политбюро ЦК, Президиуму Верховного Совета СССР, лично Вам, дорогой Леонид Ильич, за оказанное мне высокое доверие — выдвижение на пост Председателя Совета Министров СССР.

Благодарю вас, товарищи депутаты, за то, что вы поддержали мою кандидатуру и назначили меня на пост главы Советского правительства.

Я сознаю, какие исключительно ответственные обязанности возлагаются на меня. Свой долг я вижу в том, чтобы настойчиво работать над последовательным осуществлением генерального курса, выработанного XXIV и XXV съездами нашей партии, программных установок Леонида Ильича Брежнева, с которыми наша партия и народ идут к XXVI съезду КПСС.

Курс нашей ленинской партии — это курс дальнейшего роста народного благосостояния, укрепления экономической мощи страны, обеспечения ее безопасности, утверждения мира на земле. Он отвечает интересам всего народа, пользуется единодушной поддержкой и одобрением всех советских людей.

Позвольте заверить вас, товарищи депутаты,

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О назначении тов. Тихонова Н. А. Председателем Совета Министров СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

Назначить тов. **Тихонова** Николая Александровича Председателем Совета Министров СССР, освободив его от обязанностей первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 23 октября 1980 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об освобождении тов. Косыгина А. Н. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

Освободить тов. **Косыгина** Алексея Николаевича от обязанностей Председателя Совета Министров СССР по его просьбе.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 23 октября 1980 г.

22 и 23 октября в Москве проходила четвертая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва. Избранники народа собрались в среду к 10 часам утра в Большом Кремлевском дворце на совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. Бурными, продолжительными аплодисментами были встречены товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков.

Депутаты заслушали и обсудили доклад заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР депутата Н. К. Байбакова «О Государственном плане экономического и со-

См. стр. 4.

СОВЕТА СССР ДЕСЯТОГО СОЗЫВА

зяйстве. Он был директором крупного завода, заместителем министра черной металлургии СССР, председателем Совнархоза, заместителем председателя Госплана СССР. Вот уже более пятнадцати лет тов. Тихонов Н. А. работает в Совете Министров СССР заместителем Председателя, а с 1976 года — первым заместителем Председателя Совета Министров.

Политбюро ЦК КПСС выражает уверенность, что товарищ Тихонов Н. А. справится с высокими обязанностями главы правительства СССР и просит Верховный Совет СССР поддержать предложение о назначении его Председателем Совета Министров СССР. **(Продолжительные аплодисменты).**

Центральный Комитет нашей партии, что я приложу все усилия, чтобы оправдать оказанное мне высокое доверие.

От имени всех членов правительства и от себя лично разрешите заверить в том, что Совет Министров сделает все, чтобы под мудрым руководством ленинской партии обеспечить уверенное движение нашей страны по пути коммунистического строительства. **(Продолжительные аплодисменты).**

Председатель Совета Министров СССР член Политбюро ЦК КПСС

Тихонов Николай Александрович

Тов. Тихонов Н. А. родился в 1905 году, член КПСС с 1940 г. Трудовую деятельность начал в 1924 г. помощником машиниста паровоза. По окончании Днепропетровского металлургического института с 1930 г. — инженер, начальник цеха, главный инженер, директор завода. Занимал ряд руководящих должностей в Министерстве черной металлургии СССР — начальник главного управления министерства, заместитель министра. В 1957 г. возглавил Днепропетровский совнархоз. С 1960 года заместитель Председателя Госэкономсовета СССР — министр СССР, с 1963 г. заместитель председателя Госплана СССР — министр СССР. С 1965 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР, с 1976 г. первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1978 г. избирается кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, а в 1979 г. — членом Политбюро ЦК КПСС.

Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий, доктор технических наук.

Депутат Верховного Совета СССР ряда созывов.

Во время переговоров.

С ОФИЦИАЛЬНЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2781)

1 НОЯБРЯ 1980

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 27 октября в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Председатель Временного военного административного совета (ВВАС) Социалистической Эфиопии, Председатель Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ) Менгисту Хайле Мариам.

27 октября в Кремле начались советско-эфиопские переговоры.

Переговоры вели:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил — первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Н. В. Огарков;

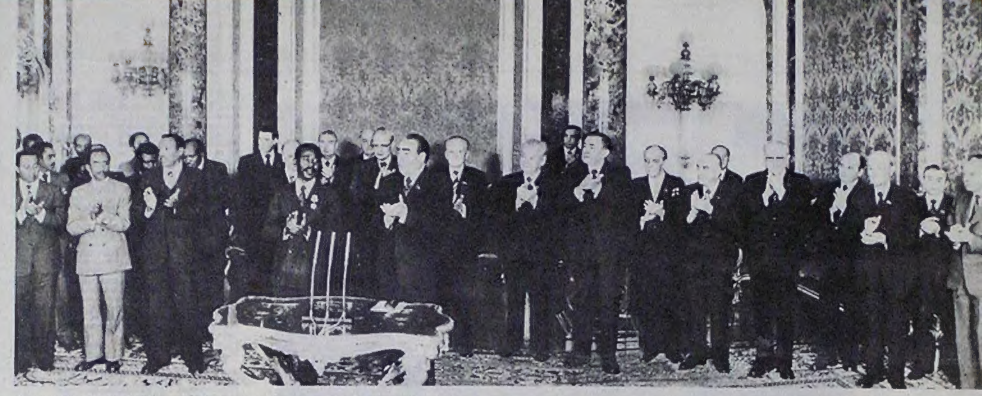
с эфиопской стороны — Председатель Временного военного административного совета (ВВАС) Социалистической Эфиопии, Председатель Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ) Менгисту Хайле Мариам, член ПК ВВАС и исполкома КОПТЭ, министр национальной обороны бригадный генерал Тесфайе Гебре Кидан, член ПК ВВАС и исполкома КОПТЭ, заведующий международным отделом КОПТЭ Берхану Байе, член ПК ВВАС и исполкома КОПТЭ, заместитель Председателя Высшего совета по проведению общенациональной революционной кампании развития и центрального планирования Аддис Тедла.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимания, состоялся обмен мнениями по основным вопросам дальнейшего расширения и углубления советско-эфиопских отношений.

При обсуждении актуальных международных проблем с обеих сторон было подчеркнуто, что империалистические и гегемонистские силы пытаются обострить международную обста-

Вручение товарищу Л. И. Брежневу высшей награды Эфиопии.

Вручение ордена Октябрьской Революции Менгисту Хайле Мариаму.

новку, подорвать разрядку, помешать делу справедливой борьбы народов за национальное и социальное освобождение. Стороны осудили наращивание Соединенными Штатами Америки своего военного присутствия в Во-

К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, другие официальные лица; с эфиопской стороны присутствовали сопровождавшие

го хозяйства, в развитии науки, культуры, налаживании системы здравоохранения.

Беседа подтвердила совпадение позиций обеих стран по актуальным вопросам современности, общности их подхода к обстановке в различных районах мира.

М ВИЗИТОМ

Фото А. Гостева.

сточной Африке, в районе Индийского океана и Персидского залива, что создает угрозу международному миру и безопасности, а также суверенитету и независимости стран этого региона.

27 октября в Кремле Председатель Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии, Председатель Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии Менгисту Хайле Мариам вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу высшую эфиопскую награду — «Звезду почета Социалистической Эфиопии».

С советской стороны при награждении были товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов,

Менгисту Хайле Мариама в поездке государственные деятели.

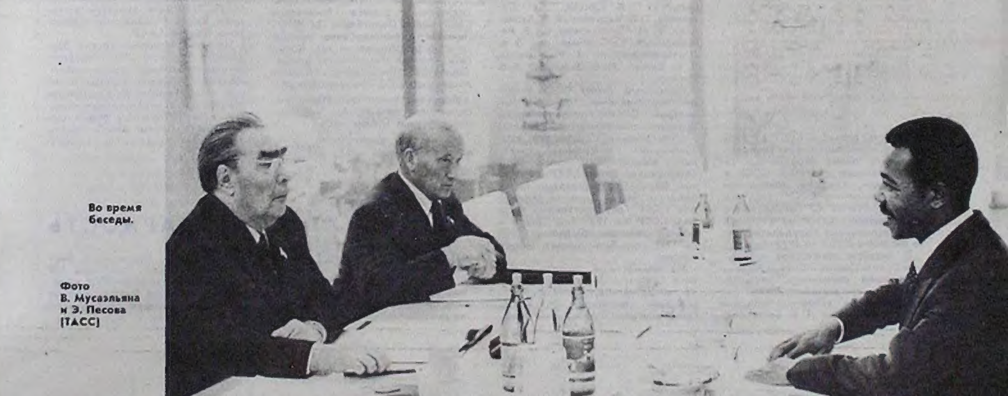
28 октября в Кремле состоялась дружественная беседа Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Председателем Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии, Председателем Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом.

С обеих сторон было выражено желание совершенствовать отношения дружбы и сотрудничества между СССР и Социалистической Эфиопией.

Л. И. Брежнев заявил, что Советский Союз будет по-прежнему оказывать эфиопскому народу помощь в строительстве национальной экономики, в подготовке кадров для народно-

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 28 октября в Кремле Председателю Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии, Председателю Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии Менгисту Хайле Мариаму орден Октябрьской Революции.

При вручении награды были товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, другие официальные лица. С эфиопской стороны присутствовали сопровождавшие Менгисту Хайле Мариама в поездке государственные деятели.

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Во время встречи Г. Гусака и А. П. Кириленко 22 октября. Телефото ТАСС

ПРЕБЫВАНИЕ А. П. КИРИЛЕНКО В ЧЕХОСЛОВАКИИ

По приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии 22—26 октября в ЧССР находился с дружеским визитом член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

22 октября товарища А. П. Кириленко принял Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак. В ходе беседы, прошедшей в сердечной, товарищеской атмосфере, Г. Гусак и А. П. Кириленко обменялись информацией о ходе строительства развитого социалистического общества в ЧССР и строительства коммунизма в СССР, о подготовке к XVI съезду КПЧ и XXVI съезду КПСС. Были обсуждены вопросы дальнейшего развития братского сотрудничества между ЧССР и СССР во всех областях.

В этот же день состоялась дружеская беседа А. П. Кириленко с членами и кандидатами в члены Президиума ЦК КПЧ, секретарями и членами Секретариата ЦК КПЧ.

Ярким примером постоянного развития всестороннего советско-чехословацкого сотрудничества стало сооружение мощной атомной электростанции в словацком городе Ясловске-Богунице, которая строится при техническом содействии СССР. 23 октября в клубе энергетиков АЭС состоялся митинг советско-чехословацкой дружбы. Его участники тепло встретили членов Президиума ЦК КПЧ, секретаря ЦК КПЧ В. Биляка, Первого секретаря ЦК Компартии Словакии Я. Ленарта, А. П. Кириленко. На митинге выступили Я. Ленарт и А. П. Кириленко.

В тот же день товарищ А. П. Кириленко встретился в Братиславе с членом Президиума ЦК КПЧ, Первым секретарем ЦК Компартии Словакии Я. Ленартом и другими руководящими работниками Словацкой Социалистической Республики. А. П. Кириленко сердечно поблагодарил за теплый прием и передал трудящимся Словакии горячий привет от товарища Л. И. Брежнева.

Митинг чехословацко-советской дружбы, посвященный дружескому визиту в ЧССР члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, состоялся 24 октября на комбинате имени Ленина «Шкода» в Пльзени, который активно участвует в осуществлении Комплексной программы социалистической экономической интеграции. Тепло встретили участники митинга Генерального секретаря ЦК КПЧ, Президента ЧССР Г. Гусака, А. П. Кириленко. Вместе с ними на комбинат прибыли член Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПЧ Я. Кемпный и другие чехословацкие руководители.

25 октября в Пражском Граде состоялась заключительная встреча Генерального секретаря ЦК КПЧ, Президента ЧССР Г. Гусака с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. П. Кириленко. Во время сердечной, дружеской беседы были обсуждены некоторые вопросы сотрудничества между двумя братскими партиями и странами. Состоялся также обмен мнениями по актуальным вопросам современного международного положения и деятельности международного коммунистического и рабочего движения.

ЧЕТВЕРТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ДЕСЯТОГО СОЗЫВА

См. 2-ю стр. обложки

циального развития СССР на 1981 год и о ходе выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1980 году», а также доклад министра финансов СССР депутата В. Ф. Гарбузова «О Государственном бюджете СССР на 1981 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1979 год».

23 октября совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей состоялось вечером. Бурными продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. А. Кунаева, А. Я. Пельше, М. А. Суслова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, П. Н. Демичева, Т. Я. Киселева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова.

Верховный Совет СССР утвердил представленный Советом Министров СССР Государственный план экономического и социального развития СССР на 1981 год. Раздельным голосованием по палатам единогласно принят соответствующий Закон СССР. Верховный Совет СССР утвердил также представленный Советом Министров СССР Государственный бюджет СССР на 1981 год. Закон о Государственном бюджете СССР на 1981 год был принят единогласно.

На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 23 октября выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.

(Выступление публикуется.)

Верховный Совет СССР принял постановления о назначении Председателем Совета Министров СССР члена Политбюро ЦК КПСС Николая Александровича Тихонова и об освобождении тов. Косыгина Алексея Николаевича от обязанностей Председателя Совета Министров СССР по его просьбе.

Депутаты тепло встретили выступление тов. Н. А. Тихонова. (Выступление публикуется.)

На сессии единогласно были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях.

По докладу секретаря Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе депутаты утвердили Указы Президиума Верховного Совета СССР.

На этом четвертая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва закончила свою работу. Депутаты приняли важные решения, направленные на дальнейшее повышение благосостояния советских людей. Трудовые будни продолжаются. Ритм жизни страны определяет подготовка к XXVI съезду КПСС.

СЕРДЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Брежнев Л. И. от имени Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР выразил сердечную благодарность тов. Косыгину Алексею Николаевичу за многолетнюю, большую и плодотворную работу, которую он проводил на высоких постах в партии и Советском правительстве.

ОТВЕЧАЕМ УДАРНЫМ ТРУДОМ

Трудящиеся Советского Союза! Повышайте производительность, эффективность и качество труда на каждом рабочем месте!

Успешно выполним предсъездовские обязательства!

Из Призывов ЦК КПСС к 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Читаю речь Леонида Ильича Брежнева на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС и с первых же строк улавливаю главную мысль: нельзя останавливаться на достигнутом—надо постоянно двигаться вперед, четко видя при этом направление и смысл движения. Как это точно в отношении нашей отрасли промышленности — сельскохозяйственного машиностроения, вижу на примере своего завода.

Зубчатые колеса, которые мы делаем для тракторов, комбайнов, автомобилей, ждут тракторные, комбайновые, моторостроительные заводы. Ждут колхозные и совхозные мастерские. Ждут не только в достаточном количестве, но и добротными, долговечными.

Десятая пятилетка подтвердила, что мы способны с честью выполнять заказы села. Меньше чем за десять лет предприятие почти удвоило выпуск шестерен. За пятилетку освоили около сорока новых наименований. Пятилетний план по объему производства выполним к середине ноября и до конца года дадим не меньше чем на пять с половиной миллионов рублей продукции сверх плана. Почти в два раза увеличили за это время выпуск товаров народного потребления. Три года назад расширили производство за счет создания филиала в городе Лепеле. Причем сумели добиться, что филиал ежегодно удваивает выпуск продукции.

Вот такие набрали темпы. И есть твердая убежденность, что они могут быть выше. Однако, и в речи товарища Л. И. Брежнева это подчеркивается, уверенно и быстро можно идти только тогда, когда все идут в ногу. И когда закон постоянного обновления, совершенствования производства непреложен абсолютно для всех. Пока же, к сожалению, у нас не так.

Без конца хлопочем о замене, обновлении станочного парка. Надо заметить, что станкостроительная промышленность, в частности станкостроительные заводы Белоруссии, выпускает отличные станки-автоматы — токарные, зуборезные, протяжные. Коэффициент обслуживания тут почти в три раза выше, чем у старых станков; к тому же лучше условия труда, выше культура производства, надежнее техника безопасности. Но вот не хватает таких станков. Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР скупится на фонды для обновления. Экономия? Ничего подобного. Если смотреть в перспективу, в глубину, скорее наоборот.

На Пленуме ЦК КПСС говорилось о необходимости совершенствовать систему управления и планирования в народном хозяйстве. Как больно бьет нас несовершенство этой системы! Вот пример: значительная доля нашей продукции — запасные части. Сколько их нужно? Определить доверено «Госкомсельхозтехнике». Она определяет, дает заявки нашему министерству, министерство — заводу. Из чего исходит «Сельхозтехника», непонятно: то просит 300 тысяч шестерен, то 60 тысяч, то 170 тысяч... А мы ведь рассчитываем, как загрузить мощности, как использовать людей. И получается: то делаем какое-то зубчатое колесо с предельным напряжением, надрываемся, то ищем, куда эти колеса сбыть. А ведь подсчитать можно: известно количество машин, известен ежегодный прирост парка, ресурсы работы. Так зачем же дергать завод?!

То же самое с исполнительской дисциплиной. Мы на заводе внедряем прогрессивные системы управления качеством продукции, организации производства, технической учебы и тому подобное. И все эти системы часто ломаются из-за того, что не выполняются, скажем, планы поставки сырья. Не помню уж, с каких пор не можем мы выяснить отношения с металлургическим заводом в Днепродзержинске. Срывает поставки металла без конца. Часто из-за этого мы вынуждены брать прокат не тех профилей и перерасходовать металл.

И еще о порядке в управлении и планировании. Создать в Лепеле филиал завода мы создали, а жилья там не строим — не дают средств. А потом будем разводить руками: не знаем что делать — худо с кадрами, текучесть, нарушение дисциплины, лихорадит производство... Может быть, теперь, после того, как Леонид Ильич Брежнев напомнил, как важно тесно увязывать жилищное строительство с решением производственных задач, Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР, плановые органы пересмотрят свою политику?!

Да, закон обновления — для всех. И чем сложнее наши задачи (а сложность их от пятилетки к пятилетке возрастает), тем нетерпимее отступление от этого закона.

И. КУЛЕШОВ,
директор Минского завода шестерен

ВЕРНЫЙ ПУТЬ

Много вершин в развитии экономики страны взято многонациональным советским народом в десятой пятилетке. Теперь перед нами открываются новые, еще более высокие. И путь к ним ярко освещен в речи Леонида Ильича Брежнева на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Нас, узбекских хлопкоробов, особенно взволновал и вдохновил по-партийному принципиальный анализ дел в сельском хозяйстве. Мы благодарны Леониду Ильичу за теплые слова в адрес земледельцев и постараемся всеми силами способствовать неуклонному росту благосостояния советских людей.

Речь руководителя нашей партии и государства воспринята нами как боевая программа действий. Каждый из нас отметил слова из этой глубокой, предельно откровенной речи о том, что мы должны резко повысить требовательность к тому, чтобы выделяемые средства, минеральные удобрения, техника использовались в колхозах и совхозах разумно, по-хозяйски, давали бы максимальную отдачу.

Наш Букинский район — один из самых передовых: раньше других в области и вторым в республике он выполнил годовой план по продаже хлопка. На видном месте и наше хозяйство. Мы уже получили по сорок семь центнеров сырца с гектара и в ответ на речь Леонида Ильича Брежнева обязались довести сбор до пятидесяти центнеров. Но разве все резервы исчерпаны? Об этом думаем мы сейчас, когда намечаем планы на 1981 год — стартовый год новой, одиннадцатой пятилетки.

Махкам ПУЛАТОВ,
председатель колхоза имени 40-летия Октября

Букинский район,
Ташкентская область.

СОЮЗНИК АЭС

XXVI СЪЕЗДУ КПСС — 26 УДАРНЫХ НЕДЕЛЬ

Герметический клапан для АЭС.

Фото автора

КАЗАХСТАН

Бригадир сборщиков Дмитрий Юрченко обошел гермоклапан со всех сторон и сам восхитился: такого богатыря бригаде делать раньше не приходилось. Если бы Юрченко был даже вдвое выше ростом, то и тогда не достал бы до его верхушки.

— На какую же трубу он рассчитан?

— Почти в полтора метра диаметром,— ответил бригадир...

Так арматурный завод в Усть-Каменогорске становится союзником АЭС. Сейчас его продукция известна уже на наших атомных электростанциях — Курской, Кольской, Ленинградской... Завод выпускает также всевозможную арматуру для труб самого различного диаметра — от обычных, какие есть в любом доме, до гигантских.

Устькаменогорцы отправляют свою продукцию и за рубеж — в Югославию, Аргентину, Польшу, КНДР и другие страны. А конкуренцию, как известно, может выдержать только продукция высокого класса.

Коллектив молодого завода, став на предсъездовскую вахту, увеличивает выпуск ценнейших узлов для новых нефте- и газопроводов, а также для других предприятий.

Ю. ЛУШИН

БЕЛОРУССИЯ

ЗДЕСЬ ОТДЫХАЮТ ВЕТЕРАНЫ

— У нас по вечерам даже танцы бывают...

Фраза эта прозвучала, признаться, несколько неожиданно. А впрочем, почему? Почему бы иногда не тряхнуть стариной лихому в прошлом пулеметчику, не пригласить на вальс по-прежнему бойкую, непоседливую, веселую связистку военных времен?!

...Бывают здесь танцы, прогулки к Неману, шахматные баталии, споры о телевизионных передачах. А еще бывают неторопливые беседы-воспоминания, когда воскрешаются в памяти отчаянные рейды по тылам противника, обжигающие вихри атак, бесконечные версты солдатских дорог, салюты у стен поверженных вражеских городов, горькие прощания с боевыми друзьями...

Уютно, спокойно, удобно живется ветеранам войны в пансионате, открытом недавно в живописном месте возле деревни Николаевщина в Минской области. Пансионат построило Министерство социального обеспечения Белорусской ССР. Для пятидесяти примерно человек пансионат стал домом. Около шестидесяти отдыхают тут по путевкам. Обслуживающий персонал хоть и молодой, но и медики, и повара, и особенно культработник Михаил Михайлович Митневич уже заслужили у ветеранов авторитет и уважение.

В будущем Министерство социального обеспечения БССР планирует открыть такие пансионаты во всех областях республики.

А. ЩЕРБАКОВ

Иван Ипполитович Хвалей был в войну старшим сержантом, наводчиком 76-миллиметрового орудия. Он участник штурма Берлина.

Фото А. Мызникова

КО

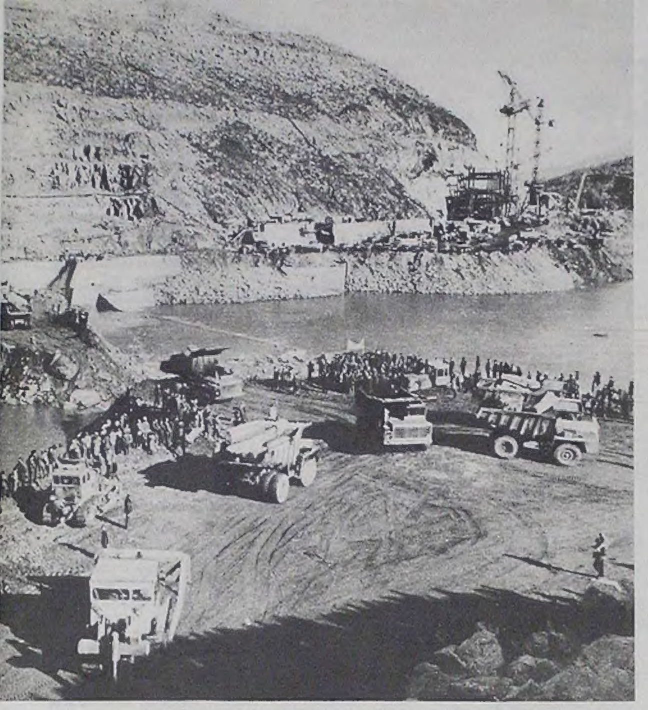
...Ввести в действие первые агрегаты на Колымской ГЭС.

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»

...Событие, теперь уже ушедшее в историю гидростроения, произошло 20 сентября в полдень. Суббота, но в графиках строительства Колымской ГЭС, учитывая ранее случившиеся по различным причинам простои, она значилась обычным рабочим днем.

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

Перекрытие Колымы. Последние «кубики» укрощают течение своенравной реки.

ЛЫМСКАЯ НОВЬ

День перекрытия реки... Он был выбран, а правильнее сказать, определен четкими инженерными расчетами давным-давно. Его ждали, к нему готовились. Соревновались за право участвовать в штурме реки. И вот он пришел, этот день. Природа сделала его радостным, заполнила солнцем и теплом. Начался он в непривычной уху тишине. Куда-то провалился круглосуточный грохот экскаваторов, лязг гусениц, рокот моторов. Исчезли сверкающие всплески электросварки. И только Колыма, словно северный олень, вскормленный на воле, предчувствуя скорое приручение, металась в проране, никак не желая перейти в новое, еще вчера приготовленное рукотворное русло обводного канала. Злая, лохматая Колыма цеплялась за огромные валуны, толкала их, с ревом расчищая свой природный путь. Но люди, готовясь к решающему штурму, уже не замечали бешенства реки. Все знали, что судьба этой своенравной северной красавицы теперь в их руках и уже решена.

Василий Никитенко, слесарь из мехмастерских, так и писал на огромных гранитных глыбах: «Сопротивление бесполезно», «Покорись, Колыма!». На узких площадках берегов, в серпантинах проложенных в горах дорог закрутилась ревущая карусель мощных машин. «БелАЗ», ведомый Мухтаром Хусейновичем Кекезовым, завоевавшим право первым начать перекрытие, ринулся к прорану. Самосвалы швыряли огромные глыбы в кипящую прорву. Колыма жадно проглатывала многотонные граниты. И они бесследно исчезали. Но все же метр за метром, шаг за шагом берега сближались. И вот уже бульдозер Павла Чебака с правого берега через плотину вырвался на левый. Колыма еще находила щели в плотине, делая последние вздохи, проползала под камнями, но, чувствуя свое поражение, замолкала, грозный рокот переходил в тихий шепот. Все!

Все смешалось в едином порыве радости. Многотысячное «Ура!» прокатилось по ущелью.

...Десять лет назад страна узнала о начале строительства гидростанции в Магаданской области. Всесоюзное радио сообщило о закладке в глухой тайге нового города с поэтическим названием Синегорье. Это были первые шаги самой дальневосточной гидростанции, очень нужной в этом сказочно богатом краю.

— Электроэнергия у нас в прямом смысле слова на вес золота. На некоторых дизельных станциях себестоимость киловатт-часа равна рублю,— говорил мне секретарь Магаданского обкома партии Энгельс Васильевич Еншаков.— Развивающаяся горнодобывающая промышленность требует ее все больше и больше. Удовлетворить потребности может только мощный энергетический узел Северо-Востока, закольцованный с Хабаровской и Якутской, а впоследствии и со всей энергетической системой страны.

Вот поэтому здесь, на диком Севере, в труднейших условиях и строится гидростанция с самой дешевой электроэнергией — 0,3 копейки за киловатт-час. Обходится это, однако, недешево. Все надо привозить — от гвоздика до кирпичика. А поставщики подводят...

Работы на Колымской ГЭС продолжаются: начато заполнение водохранилища, монтажники готовятся к пуску первого агрегата...

В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора

ЛЕНИНГРАД

ВНАЧАЛЕ БЫЛ БУКВАРЬ...

Сегодня эта книжка — библиографическая редкость. Отпечатанная на грубой бумаге, украшенная незамысловатыми рисунками, она невзрачна на вид и вместе с тем удивительна, как удивителен был тот огромный мир, что открывали для себя с ее помощью маленькие жители далекой Чукотки.

Выпущенная в 1932 году крохотным тиражом — всего в несколько сотен экземпляров,— она стала первой настольной книгой не только для малышей, а и для всего народа, только что получившего неоценимый дар — собственную письменность.

Речь идет о букваре — одном из немногих отпечатанных тогда в Ленинграде для малых народов Севера.

Скромные первенцы-буквари разительно отличаются от красочных, богато иллюстрированных сегодняшних. Но родство между ними прямое, и не только духовное. Все они увидели свет в одной из старейших типографий страны (следующей осенью она отметит свое 260-летие) — ленинградской типографии № 5.

Это единственное в стране полиграфическое предприятие, выпускающее учебники для малых народов Севера. А широкому кругу читателей его продукция известна по таким изданиям, например, как Большая и Малая серии «Библиотеки поэта», альманах «День поэзии», и многим другим.

— За последнее время,— говорит директор типографии Алексей Николаевич Крылов,— значительно расширились наши полиграфические возможности. Все это позволило не только значительно улучшить внешний вид книг, которые печатают у нас издательства «Советский писатель», «Художественная литература» и другие, но главное — сделать еще более радостными, привлекательными учебники для маленьких северян. Хочется отметить наборщицу Лидию Ивановну Безбородову, верстальщика Михаила Григорьевича Исаева, опытнейших корректоров Евгению Николаевну Ефимову, Дину Моисеевну Самуилову, чье мастерство поистине уникально — каждая вычитывает тексты на 10—11 языках.

...160 тысяч учебников получили к началу нынешнего школьного года ребятишки Анадыря, Ханты-Мансийска, Якутска, сотен поселков всех наших национальных округов.

О. ПЕТРОВ

Мастер наборного цеха, секретарь комитета ВЛКСМ ленинградской типографии № 5 Лидия Королевская.

Фото Ю. Щенникова

ПЕКИН: КУРСОМ ГЕГЕМОНИЗМА

НАШ ВЗГЛЯД

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Юрий КОРНИЛОВ

В районе китайско-вьетнамской границы вновь слышен грохот орудий: китайская артиллерия ведет массированный обстрел мирных вьетнамских деревень. В ноте МИД СРВ, опубликованной на днях в Ханое, отмечается, что пекинские правители продолжают грубо нарушать суверенитет и территориальную целостность Вьетнама, причем вооруженные провокации китайской военщины приобретают все более систематический и опасный характер.

Факты, приведенные в ноте МИД СРВ,— лишь одно из многих свидетельств того, что Китай продолжает свою гегемонистскую, опасную для дела мира политику. Выступая в качестве ударной силы мировой реакции, прямо противостоящей революционным потокам современности, Пекин ведет линию на раздувание конфликтов, на разжигание вражды и ненависти между народами, пытается спровоцировать военное столкновение двух мировых общественных систем.

В нынешних условиях, когда империалистические круги США и НАТО взяли курс на обострение обстановки в мире, китайские власти стремятся извлечь из осложнения международной ситуации максимум своекорыстных политических дивидендов — это вновь со всей наглядностью подтвердилось и на проходящей в Нью-Йорке XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Как известно, Советский Союз выступил на этом форуме с широким комплексом миролюбивых и конструктивных инициатив, направленных на упрочение разрядки. Эти инициативы встретили позитивный отклик на разных континентах. Но как же реагировали на них в Пекине? И выступление с трибуны ООН министра иностранных дел Китая Хуан Хуа и заявления других пекинских руководителей свидетельствуют, что Китай с порога отметает все предложения, направленные на оздоровление политического климата, на обуздание гонки вооружений, продолжает клеветать на миролюбивую политику СССР, пытается обелить подлинных виновников нынешнего обострения ситуации — империалистов США и военщину НАТО, вновь и вновь демонстрирует свое стремление сохранять и усиливать напряженность вокруг Афганистана и Кампучии.

Ни на йоту не отказываясь от гегемонистских притязаний в глобальном масштабе, Пекин, сообразуясь со своими возможностями, стремится на нынешнем этапе доминировать прежде всего над странами Азии — и для достижения этой цели он готов даже на то, чтобы с преступной легкостью пускать в ход оружие. Факты? Их более чем достаточно. В 1956 году китайское руководство попыталось силой присвоить 170 тысяч квадратных километров бирманской территории, в 1959 году объектом маоистских вожделений стали свыше 130 тысяч квадратных километров индийских владений, в 1974 году китайские милитаристы силой захватили Парасельские острова, в 1979 году развязали вооруженную агрессию против социалистического Вьетнама. Этот агрессивный милитаристский курс активно продолжается и сегодня, о чем наглядно свидетельствуют враждебные действия Пекина против МНР, СРВ, Кампучии, Лаоса, активное участие Китая в необъявленной войне, развязанной империализмом и реакцией против революционного Афганистана.

«Гегемонизм,— говорится в резолюции, принятой XXXIV сессией Генеральной Ассамблеи ООН,— является проявлением политики государства или группы государств, стремящихся политически, экономически, идеологически или военным образом контролировать, доминировать или подчинить себе другие государства, народы или районы мира». Разве это определение не относится целиком и полностью к внешней политике Пекина, который предъявляет соседям территориальные притязания, превосходящие по площади территорию самой КНР, пытается присвоить себе право «наказывать» другие государства и народы, коль скоро они не желают строить жизнь по рецептам современных китайских богдыханов? Разве не с попытками подчинить суверенные страны и народы связан тот факт, что из 30 военных конфликтов, имевших место в Азии после второй мировой войны, 19 возникли по вине Китая?!

Агрессивной великодержавной политике Пекина придано и некое «теоретическое обоснование» — оно зиждется на известном маоистском постулате о «неизбежности», чуть ли не «желательности» новой мировой войны. Открытое или лишь слегка завуалированное муссирование этого каннибальского тезиса нельзя рассматривать как просто мрачные пророчества: из подобной концепции вытекают определенные политические и практические выводы. Ибо если война неизбежна, то бессмысленна и борьба против военной опасности и гонки вооружений, надо склонить голову перед воинствующими силами милитаризма, смириться и сидеть сложа руки, пассивно наблюдая за опасным развитием событий. Следует ли говорить, кому выгодна такая, с позволения сказать, позиция, стремящаяся идейно обезоружить борцов за мир?

Весьма опасно для дела мира активное смыкание китайской верхушки с империализмом, прежде всего с агрессивными кругами США, в основе действий которых лежит антисоветизм, враждебность миру и разрядке. Китайские правители, еще вчера провозглашавшие лозунг «борьбы против двух сверхдержав», сегодня открыто перешли на сторону империализма и, отбросив прежние антиимпериалистические заклинания, не только призывают США и другие страны НАТО к сколачиванию некоего «широчайшего фронта» против СССР, но и сами активно участвуют в реализации агрессивных империалистических планов. Со своей стороны, США и их империалистические союзники стремятся политически и экономически привязать Китай к мировой капиталистической системе, закрепить его на антисоциалистических позициях. «Партнерство империализма и пекинского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе — для американского и китайского народов»,— подчеркнул июньский Пленум ЦК КПСС.

Известно, что в настоящее время в Китае происходят серьезные внутренние процессы. Хотя истинное их значение оценивать еще рано, очевидно, что уже сейчас некоторые маоистские концепции и в теории и в практике внутреннего развития страны, не имеющие ничего общего с социализмом, подвергаются в Китае открытой или негласной критике; так, пресловутую «культурную революцию», в ходе которой, по свидетельству печати, были физически уничтожены от 8 до 10 миллионов человек, там теперь открыто оценивают как величайшую катастрофу для китайского народа. Но столь же очевидно и другое: на внешней политике Китая все это не сказывается, эта гегемонистская политика по-прежнему полностью подчинена целям агрессии, экспансии и милитаризма, она остается столь же враждебной социализму, делу мира и разрядки, как и прежде. И это зовет народы к бдительности!

На фрунзенской швейной фабрике «40 лет Октября».
Фото Р. Джуманиязова

ФРУНЗЕ

МАРКА — «МАТЕРИНСКАЯ»

Фрунзенская швейная фабрика «40 лет Октября» — крупнейшее в Киргизии предприятие, где делают верхнюю одежду. Марку фабрики покупатели, а теперь уже и работники торговли называют «материнской». Этим выражается многое и прежде всего признательность швеям.

Залогом производственных успехов стало давнее правило фрунзенских мастериц: «Шить, как для своих детей». А правило это появилось еще в годы Великой Отечественной войны, когда эвакуированная из Харькова в столицу Киргизии фабрика уже в январе 1942 года стала поставлять на фронт красноармейское обмундирование, одежду для самых дорогих и близких людей — защитников Родины.

Нынче почти девяносто восемь процентов изделий фабрика выпускает первым сортом, а каждое третье — со Знаком качества. За производственные успехи она награждена орденом Трудового Красного Знамени. Много кварталов подряд коллектив удерживает переходящее Красное знамя Министерства легкой промышленности СССР.

Обновление оборудования, постоянное совершенствование технологии, творческий поиск художников-модельеров, конструкторов одежды, установление прямых связей с потребителями — вот главные причины успеха.

Вячеслав КОСТЫРЯ, собкор «Огонька»

В. Сибирский. Род. 1936. ЧЕМПИОН МИРА ПО ШАХМАТАМ А. КАРПОВ.

Э. Калныньш. Род. 1904. СЕДЬМАЯ БАЛТИЙСКАЯ РЕГАТА. 1954

Государственная Третьяковская галерея

**Олег ПЕТРИЧЕНКО,
фото Михаила САВИНА,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

Череповецкий металлургический... Горячий прокат.

ОГНИ НАД ШЕКСНОЙ

За окном холодные сумерки грозили студеной ночью и ранние звездочки неярко разгорались над Шексной.

У Олега Куприянова и его товарищей шла обычная смена: они «добывали» кокс — материал вроде бы хорошо знакомый и вместе с тем скрывающий в себе еще немало тайн. Их цех в нынешнем году наметил выдать его на 15 тысяч тонн сверх плана, а недавно, став на предсъездовскую вахту, добавил к этому весьма напряженному обязательству еще пять тысяч. Итого двадцать. А батарей больше не было, и технология рассчитана с минутной точностью. Значит, надо думать, экспериментировать, чтобы данное слово воплотилось в искомые тонны.

Рождение их — удивительно красочное зрелище. Коксовая батарея — огромное металлическое сооружение высотой с 7-этажный дом — состоит из 65 узких вертикальных печей, в каждой из которых бушует неутомимое пламя, а в нем зреет раскаленный почти до 1400 градусов алый коксовый пирог.

Вдоль печей неторопливо движется массивная, похожая на исполинского мастодонта машина — коксовыталкиватель. Назначение ее ясно из названия — как доспеет «пирог», осторожно вытолкнуть его из печи в бункер.

Каждые три минуты здесь получают 18 тонн кокса. И каждые три минуты бесконечную в сумерках стальную улицу (на ней несколько таких домов-батарей) озаряют рассветной красоты сполохи. Крохотное, но яркое солнышко поднимается над улицей отнюдь не фигурально. Уложенные в бункер сияющие глыбы кокса взмывают на вершину специального сооружения — установки для сухого тушения кокса (УСТК). Установка уникальная — еще недавно все металлургические предприятия мира утопали в тучах пыли и пара, получавшихся оттого, что кокс тушили варварским способом: попросту поливали водой, выбрасывая на ветер тепло, загрязняя атмосферу. Инженеры Череповецкого металлургического завода совместно с учеными Ленинградского политехнического института имени Калинина, ГИПРОкокса и других институтов положили конец этому расточительству. Созданная ими установка дает производству 400 килограммов пара с каждой «потушенной» тонны, исключает вредные выбросы. Лицензии на УСТК купили Великобритания, Италия, Япония, другие промышленно развитые страны, и этим своим вкладом в охрану окружающей среды здесь справедливо гордятся не меньше, нежели производственными успехами.

УСТК — лишь одно из множества новшеств, которыми отмечено стремительное и яркое восхождение Северной Магнитки на передовые рубежи мировой металлургии. А началось оно 25 лет назад. Северо-Запад страны остро нуждался в своем металле, и небольшой городок Череповец оказался идеальным по своему географическому положению местом, где на скрещении железнодорожных и водных путей наиболее удачно с экономической точки зрения могли встретиться руда, уголь, металлолом. Волей партии в рекордно короткие сроки здесь было сооружено мощнейшее предприятие. Под руководством опытных наставников с заводов Сибири, Урала, Украины за невиданное для себя дело взялись вчерашние лесорубы, плотогоны, земледельцы. И проявили при этом такое старание, сметку, что скоро искусством превзошли многих учителей.

Лучшие традиции ударных комсомольских строек унаследовали ребята, возводившие, осваивавшие Северную Магнитку. Их стараниями завод стал своего рода испытательным полигоном для претворения в жизнь самых смелых технических идей.

Характерно, что самыми высокими премиями, наградами страны труженики предприятия отмечаются почти ежегодно. Не стал исключением и год нынешний: за создание принципиально новой системы станов для проката профилей высокой точности нескольким работникам Северной Магнитки присуждена Ленинская премия в области науки и техники. Всего же за четверть века Ленинскими, Государственными премиями и премиями Совета Министров СССР здесь отмечено свыше тридцати человек.

Отдача новаторства чрезвычайно высока. Уже 5 октября 1979 года на заводе была получена 100-миллионная тонна стали, причем, если для выплавки первых 50 миллионов потребовалось почти 14 лет, то на следующие 50 ушло только семь с половиной. Достойно уважения и качество: более четверти заводской товарной продукции выпускается здесь с почетным пятиугольником — это самый высокий показатель в отрасли.

С такими результатами подошел завод к своему 25-летию, отмечавшемуся в августе. Разумеется, здесь перечислена лишь малая часть достигнутого: в системе советской металлургии, пожалуй, нет предприятия, которое развивалось бы столь интенсивно, сумев за незначительный в общем-то отрезок времени дать государству прибыль в размере 2,5 миллиарда рублей. Орденами Ленина и Трудового Красного Знамени отмечены заслуги коллектива; в августе пополнились и ряды выросших здесь Героев Социалистического Труда — этого высокого звания удостоены вальцовщик стана горячего проката Б. И. Челышков и газовщик коксового цеха В. Г. Куприянов.

Машинист коксовыталкивателя Олег Куприянов — сын Владимира Григорьевича. Мое знакомство с ними предопределили два обстоятельства: известные уже предсъездовские обязательства, выполнение которых во многом зависит от семейного вклада Куприяновых, ну и сам факт выбора сыном, прямо скажем, нелегкой дороги отца.

О Владимире Григорьевиче я был наслышан давно. Еще несколько лет назад на монтаже седьмой батареи он совершил чудо, недоступное никакому всемогущему кудеснику. Было это во время установки плиты батареи — основания для всего остального ее оборудования: 2112 газовых и 4300 воздушных отверстий проделано в ней. И все с микронной точностью требуется совместить с соответствующими подводящими трубочками. До Куприянова точность эта никому не давалась. Сколько батарей в стране ни строили, непременно теряли массу времени на плите; установка ее обычно завершалась изматывающей и муторной операцией: приходилось долбить бетон, чтобы добиться необходимого совмещения. Успех Владимира Григорьевича мог бы остаться в памяти как случай необыкновенного везения, счастливого, вроде выигрыша в спортлото, стечения обстоятельств и т. п., если бы на монтаже трех следующих батарей не повторилось то же самое: многотонные плиты укладывались им с невозможной, как считалось раньше, точностью.

Я глядел на эти плиты снизу вверх. Спустился под батарею и, подставив какой-то ящик, грел озябшие ладони на теплом бетоне, не просто телом — душой ощущая сумасшедший жар, бушевавший всего в нескольких десятках сантиметров от меня.

Точная температура его — 1370 градусов с коксовой стороны и 1330 с машинной. Допустимые колебания — всего плюс-минус семь градусов. Это крайне важно. Как объяснил Владимир Григорьевич, хорошая работа печей достигается за счет полной загрузки, качества углей, стабильности температуры, ритмичной выгрузки. Заместитель начальника цеха Сергей Васильевич Хренов добавил: «Ну, а главное — чутье старшего газовщика, умеющего из массы этих и иных компонентов добывать сверхплановый кокс».

Разумеется, Куприянов пользуется услугами всевозможных приборов. Но сравнение тут напрашивается... с поваренной книгой. Заучив рецепты, в принципе каждый может соединить в кастрюле рекомендованное количество различных продуктов. А вот что получится — зависит исключительно от способностей, отпущенных вам для этого дела природой.

Правда, Куприянов со мной не согласился. «Было бы желание, а научиться можно чему угодно. Я вон когда-то вообще шофером начинал. Пришел на завод в 1957 году после армии. И когда впервые залез на верх единственной тогда батареи и глянул вниз — голова кругом пошла. Примерно так старухи в деревне ад расписывали. Но себя переломил — остался. На второй батарее газовщиком стал, понравилось. А все последующие мне уже самому доверяли у монтажников принимать, выводить на режим. Цепь тут логическая получается — сначала приходит вкус к работе, затем опыт и лишь потом удовлетворение: кое-что можешь!»

Ну что ж, среди многих определений таланта есть и такое: труд, помноженный на терпение. Как бы там ни было, а Куприянов

и в самом деле может то, что зачастую недоступно другим. И потому заслуженно считается лучшим газовщиком коксохимического производства — одного из крупнейших в стране, занимающего первое место по выпуску валовой продукции.

Осваивая батарею за батареей, оживляя холодный металл теплом своих рук, он не просто выводит батареи на расчетную мощность, но обязательно зажигает и другой неугасимый огонек — огонек искреннего интереса в глазах своих учеников. Сейчас они в разных должностях и званиях успешно трудятся на всех агрегатах, ну а Владимир Григорьевич, передав им лучшее из того, что знает, умеет сам, всегда уходит с обжитого места.

Уходит не один — на коксохиме перед пуском еще седьмой батареи была создана своего рода экспериментальная ударная бригада в составе слесарей Ф. И. Смирнова, В. И. Лебедова, А. С. Пфо, электрика Б. И. Адамова, машиниста В. И. Степашева. Все трудности освоения они добровольно приняли на свои плечи и который год вместе делят нелегкий, а зачастую и опасный хлеб первопроходцев. Опасность тут вполне реальна: недогляди они, и пуск батареи вполне может превратиться в своего рода печальный запуск ее в голубое небо — газ ошибок не прощает. Расчеты расчетами, а мужество здесь требуется незаурядное. Ну кто, например, мог предположить, что в декабре 1978 года на Череповец обрушатся небывалые сорокаградусные морозы? А обязательства по сей причине не изменишь — десятую батарею наметили сдать досрочно. Куприянов не уходил из цеха несколько суток подряд, задумав в принципе маловероятное: несмотря на жуткий морозище, вовремя вывести агрегат на положенный температурный режим. 31-го его загрузили и, хоть столбик наружного термометра опустился вплотную к минус пятидесяти, дали газ. Тысячетонная махина буквально сотрясалась от неистового напора пламени и все же, одолев лютую стужу, выдержала. Каково оно было — стоять там, наверху,— могут судить лишь по тому, что Куприянов, человек немногословный и неробкий, вспоминая о пережитом, до сих пор, улыбаясь, качает головой:

— Страшновато было.

— Поди, и Новый год в тревогах не заметили?

— Да нет, как же. Собрались у диспетчера и по стакану чая — он у нас крепостью коньяку не уступит — выпили.

Батарею тогда освоили на 21 день ранее намеченного.

Вот уже четверть века неиссякаемая стальная река течет рядом с древней Шексной, не уступая ей ни красотой, ни мощью. И что примечательно: в отличие от некоторых других, аналогичных, течение ее равномерно и вроде бы абсолютно не подвержено влиянию внешних обстоятельств. Тех самых, неблагоприятных, стечением коих руководители отдельных предприятий зачастую оправдывают свои просчеты. А ведь череповецкий завод не менее иных зависит от порядочности поставщиков, и любой их сбой столь же болезненно отражается на его показателях.

— Свести их до минимума нам помогло социалистическое соревнование на договорной основе между смежниками,— рассказывает заместитель председателя профкома М. Г. Евдокимов.— Сейчас у нас подобными договорами связаны 40 цехов, 848 бригад, смен, участков. Это по заводу. Ну, а все вместе мы ведь зависим от стабильной работы горняков Оленегорского, Ковдорского комбинатов, других поставщиков. И потому делегация аглломератчиков поехала к горнякам, а коксохимики направили своих представителей к шахтерам Воркуты. И вскоре на заводе был подписан первый договор на межотраслевое социалистическое соревнование под девизом «Уголь — руда — металл — транспорт», к которому, помимо упомянутых организаций, присоединились также пикалевское производственное объединение «Глинозем», ленинградский «Вторчермет», Северная и Октябрьская железные дороги.

Эта поддержка позволяет металлургам Череповца уверенно смотреть вперед. В честь XXVI съезда партии сверх ранее принятых обязательств они решили до конца года дать стране дополнительно 10 тысяч тонн кокса шестипроцентной влажности, 7 тысяч тонн стали, 10 тысяч тонн проката, реализовать сверхплановой продукции на миллион рублей.

Произойдет в эти дни и еще одно, не столь заметное, событие: машинист коксовыталкивателя Олег Куприянов впервые выйдет на смену уже в качестве газовщика. Учился без отрыва от производства, и вот, познав теорию, будет постигать практику под руководством отца. В следующей пятилетке планируется пуск крупнейших в стране 11-й и 12-й батарей, и Владимир Григорьевич мечтает, что принимать он их будет вместе с сыном, не сразу, но бесповоротно выбравшим его огневую профессию.

Череповец.

1

Мартеновский цех.

2

Сталь электропечей.

3

Гигант на Шексне.

4

Передовые сталевары Валерий Думинов, Владимир Белов, Александр Кокурин, Константин Андрианов и Виктор Вербушкин.

2
4

ВЫБОР

Юрий **БОНДАРЕВ**

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

— ...Я, мать, до сих пор жалею, что ни одного диверсанта не поймали, — между тем продолжал рассказывать Илья энергично, намазывая картофелины маслом. — Нам сказали: «юнкерсы» сбросили их ночью на парашютах и они укрылись во ржи. Понимаешь, мать? Засели неподалеку, на околице деревни, где мы в сараях спали. А у нас ни одной винтовки, никакого оружия, кроме копательного инструмента. Ну, что ж, подняли нас по тревоге, приказ — вооружиться лопатами, оцепить поле, поймать диверсантов. Представляешь, мать, лазали мы по этой ржи до утра — никого и ничего. Вероятно, успели гады удрать в лес, а парашюты где-нибудь в землю закопали. Досадно, что ни одного не встретили... Верно, Володька? Я мечтал хоть одного...

— Я тоже, — сказал Владимир, вспомнив звездную августовскую ночь, сиренево посветлевшую к рассветному часу, вокруг мокрую от обильной росы рожь, намокшую одежду, шорох скользких стеблей, изредка настороженно перекликающиеся голоса, сполохи зарниц на западе и бледное, азартно нацеленное лицо Ильи, шагавшего рядом с изготовленной к борьбе лопатой.

— Как же вы могли их поймать? У них оружие, а у вас... Это невозможно! — подавленно выговорила Раиса Михайловна. — Как хорошо, что вы их не встретили! Они убили бы вас...

— Слышал? — Илья подмигнул Владимиру. — Нет, мать. Лопаты тоже оружие. Еще неизвестно, кто кого укокошил бы!

— Ильюша-а, о чем ты говоришь? Твои слова просто меня пугают! Неужели ты считаешь немцев такими немыслимыми дураками! — сказала тоном беспокойства Раиса Михайловна. — Разве взрослый, обученный диверсант стал бы ждать, пока ты его ударишь лопатой? Какие вы еще наивные, доверчивые мальчики!.. Что с вами будет?..

— Абсолютно ничего! — Илья опять улыбкой пригласил Владимира удивиться этой безобидной неопытности матери, долил портвейна в рюмки, сказал с ласковой насмешливостью: — Ты только нас, маменция, за ребятенков грудных не считай, а то, знаешь, как-то смешно получается и ни в какие ворота... Будь здорова, мать! — Он выпил, засмеялся, положил не вилкой, а пальцами целую картофелину в рот, аппетитно зажевал. — Ну, а как в Москве тут? Бомбят? Нам под Можайском иногда ночью слышно было, как они сюда ползли. И как вы? Объявляют тревогу — и вы в бомбоубежище? Страшновато, мать, а?

— В подвал я не хожу, Ильюша, бессмысленно, а станция метро не очень близко, — ответила Раиса Михайловна. — Страшновато, когда начинают стрелять зенитки. Но я закладываю уши ватой и, чтобы успокоиться, начинаю читать подшивку «Нивы». Так, Ильюша, быстрее проходит время. И почти не замечаешь, что они кружат над нашим районом. Они, наверно, целят в МОГЭС и в Краснохолмский комбинат. Летом сгорел от бомб Зацепский

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—43.

рынок, и снесло почти целый квартал около Овчинниковских бань...

— Ты-всегда была молодец, мать. Я за это тебя люблю! — сказал не без грубоватой нежности Илья. — Трусихой ты никогда не была. А от судьбы никуда не уйдешь, это тоже ясно. Помнишь у Лермонтова «Фаталиста»? Я иногда вспоминал его там, на окопах, и когда в окружение попали. Все, в общем, будет, как надо. Как на небесах написано.

Он взглянул на мать с шутливым превосходством, а она, не замечая его веселости, сняла с чайника тряпичную грелку, пододвинула стаканы, начала разливать чай, потом задумалась, глядя на Владимира близорукими глазами, обезоруживающими ее строгое, когда-то красивое, но уже увядшее лицо.

— Что ты молчишь, Володя? Что пишет мама?

— Они ждут меня в Свердловске, Раиса Михайловна. Но я никуда не поеду. Глупо ехать куда-то в тыл. Что там делать?

— Глупо?

— Надо завтра идти в военкомат, чтобы послали на фронт, а не удирать куда-то на Урал. Я так решил...

Он запнулся. Она переспросила негромким вскриком:

— Решил? Так ты решил? И ты, Илья, так решил? Завтра?..

Раиса Михайловна уронила руки, растерянно повернула в сторону Ильи свою маленькую, молодо причесанную голову с тяжелым пучком на затылке, а он, с показным удовольствием отхлебывая чай, так грубо надавил на ногу Владимира под столом, что тот вмиг сообразил о допущенной ошибке, неудобной оплошности, и договорил в замешательстве:

— Это я так решил, Раиса Михайловна, а не Ильюша. Он пусть сам...

— И что ты решил? — спросила Раиса Михайловна тихим голосом.

Илья допил чай, отдуваясь, и звонко стукнул стаканом о блюдечко, ответил убежденно:

— Я еще ничего не придумал, мать. Видно будет. Поживем — увидим, как сказал ночной сторож, и проснулся днем.

И он закинул руки за голову, потянулся в сладкой истоме, преувеличенно показывая благодушную сытость, довольство, беспечное наслаждение домашней обстановкой, он явно не хотел, чтобы мать знала все, и ничем не выдавал себя, улыбаясь узковатыми, черно блестящими глазами.

Илья жил вдвоем с матерью, без отца, фотографию которого однажды показал Владимиру, старую, тронутую по углам паленой желтизной фотографию в альбоме, где бравый светлоглазый командир Красной Армии, исполненный юной отваги, во френче, украшенном пышным бантом, при шашке, стоял близ чугунной ограды. Илья объяснил, что отец после гражданской войны работал в Генеральном штабе, потом служил на Дальнем Востоке, умер же в тридцать восьмом году где-то на северном строительстве военного значения — и, сказав «умер», зло дернул ртом. Так или иначе, была здесь очевидная семейная тайна, ибо Владимир видел иногда, как фамильярно-грубовато обходился на людях с матерью Илья, однако нередко заставал его вечером возле примуса за чисткой картошки перед приходом ее из библиотеки. И бледнело и загоралось его смуглое лицо, когда наведывался в их квартиру назойливый управдом Козин, чтобы напомнить Раисе Михайловне о своевременной уплате по жировке. Неизвестно, почему управдом самолично подымался на второй этаж к Рамзиным, принося в постоянно беременном портфеле грозное письменное уведомление о квартплате, закрепленное собственноручной подписью. Но раз (уже учились в девятом классе) Илья встретил бдительного Козина на лестнице, преградил ему дорогу и, прищурясь, поднес к его яблочно-крепкому носу натренированный боксом кулак, предупредил с внушительной неохотой: «Если еще увижу, что пристаете к матери, так без свидетелей разукрашу будку фонарями — в зеркале себя не узнаете!» Козин в онемении отпрянул мгновенно овлажнившимся лицом, кеглей скатился по лестнице, оглянулся снизу озлобленными глазами, но с того дня наведывать Рамзиных перестал.

— Поживем — увидим, — повторил Илья и, толкнув под столом ногу Владимира, спросил Раису Михайловну: — Во дворе кто-нибудь остался? Или все смылись в эвакуацию? Борька Окунев здесь? Он, знаешь, мать, на окопах заболел, не то понос, не то запор, его в Москву отправили еще месяц назад. Слаба кишка оказалась. Да он и всегда сморчком был.

— Как ты о нем, Ильюша, говоришь! — сказала укоризненно Раиса Михайловна. — Боря вежливый, воспитанный мальчик. Окуневы эвакуировались в Ташкент... Они уехали в начале октября, когда участились воздушные налеты. Ведь с начала октября почти каждую ночь объявляют тревогу. Только сегодня, к счастью, спокойно.

— Мать, не пугай, мы и так с Володькой из-за мешка углом напуганы, хотя и бомбежки видели и знаем, что это такое! — Илья захохотал, взял бутылку со стола, повертел ею перед огнем керосиновой лампы, будто любуясь цветом стекла. — А Маша Сергеева где? Тоже наверняка в Ташкенте? Или загорает где-нибудь на Уралах?

Он спросил это небрежно и мимоходом, не придавая серьезного значения вопросу, но Владимир почувствовал, как сразу стало жарко лицу, потому что все, что связывалось в школе с Машей, с ее ошеломлявшими многих поступками, было настолько подчас необъяснимым, пленительным, таинственным, что вызывало у него мучительное головокружение при одном звуке ее имени, при виде ее прямой спины и коротко подстриженных волос.

— Нет, она здесь, — ответила Раиса Михайловна. — Я встретила Машу вчера. У нее заболела мать, и они не уехали с театром, остались в Москве.

Когда Раиса Михайловна сказала «нет, она здесь», Илья протяжно зевнул во весь рот и встал, громко отодвинув стул, подошел к изразцовой голландке, с притворным молодецким кряканьем придавил руки к плитам печи.

— Мать, да у тебя тепла еле-еле. Дрова-то есть в сарае? Чем топишь?

— Всяким бумажным хламом, Ильюша, — отозвалась Раиса Михайловна. — Знаешь, получилась какая-то фантастическая нелепость. Просто совсем по-гоголевски. Кто-то украл у нас березовые дрова, просто до последней щепочки. Неделю назад пошла вечером в сарай, чтобы на ночь печь истопить, и... что же? Вообрази мое удивление и досаду. Замок в исправности, висит на дверях, а дров нет. Смешно и дико, понять не могу!

— Болванизм крепчал! — фыркнул Илья и присел на корточки против дверцы голландки. — Кому еще понадобилось дрова лямзить, хотел бы я знать!

— Вы бы наши дрова взяли, Раиса Михайловна, — сказал Владимир. — Вот и все.

— Сарай пуст, Володя, — возразила Раиса Михайловна. — Ни наших, ни ваших дров. Просто комедия: странные воры — только колун один оставили. Подождите, мальчики, я сейчас растоплю. Газет старых уйма и старые журналы...

Половина комнаты была заставлена книжными шкафами, где помещалась целая библиотека мировой литературы, которую любовно собирала Раиса Михайловна долгие годы, тратя в букинистических магазинах большую часть своей зарплаты. Из этих шкафов Илья щедро давал читать книги всему классу и всему двору, и прочитанные книги, как это ни странно, без промедления возвращали, но, видимо, только потому, что связываться с Ильей было небезопасно. Владимир любил эту комнату Рамзиных, стук дверок рассохшихся шкафов, терпковатый запах сухой, старой пыльцы от дореволюционных энциклопедий, вязеобразные тиснения на корешках русских и западных классиков, и потрепанные томики романов о гражданской войне, зачитанных до ветхости страниц, и обложки приключенческих журналов, открывающих пленительную голубизну мировых далей, лазурные берега райских стран, душистый воздух коралловых островов, тропическую духоту диких джунглей, свежий шум, и прохладный плеск утренней волны розового моря, и пылающие павлиньими хвостами крутые буруны под бортом накренившейся яхты... И во всем этом было обещание мужества, полноты жизни, верного товарищества и любви.

— Я сейчас растоплю, мальчики. В комнате будет тепло, — заторопилась Раиса Михайловна и вытащила снизу из шкафа ворох перевязанных шпагатом газет, толстую пачку журналов, которые вдруг скользко разъехались в ее руках, посыпались на пол.

Владимир вскочил, принялся помогать Раисе Михайловне, поднял журнал, бросившийся в глаза такой знакомой, такой удивительной обложкой — «Вокруг света» — и знакомой иллюстрацией: неимоверно огромный краб, вытянув из многослойного океанского мрака гигантскую клешню, подобно плоскогубцам, перекусывает ею железный трос опускающейся круглой батисферы, бессильной лучом прожектора пробить пучину водяной толщи. Это была иллюстрация к роману Конан Дойля «Маракотова бездна», с продолжением печатавшемуся в журнале, которым они зачитывались недавно.

— Раиса Михайловна, — сказал Владимир просительно. — Не надо сжигать...

Илья, заталкивая в раскрытую дверцу печки сжатые вороха газет, прервал его:

— На черта сейчас тебе они? Давай, давай сюда, мать, эту художественную литературу для детских яслей! — И он подхватил у Раисы Михайловны разъезжавшуюся кипу журналов, бросил ее на пол возле голландки, добавил с веселой яростью: — Даю голову на отсечение, Володенька, больше ни ты, ни я эту детскую наивную ерунду читать не будем!

— Ильюша, почему ты так уверенно говоришь?

— Я дело говорю, мать. Давай спички.

Огонек лизнул в голландке край смятой газеты, перебросился выше, к бумажному вороху, вспыхнул ярче, шире, охватил его быстрым пламенем, загудевшим внутри, и тотчас Илья безжалостно начал разрывать журналы, запихивать в печь скомканные страницы, поддерживая и увеличивая огонь, и по тому, как рвал он заляпанные чернилами обложки «Всемирного следопыта» и «Вокруг света», которыми с упоением зачитывались они в школе, по тому, как дерзко улыбались, отражая пламя, его глаза, чувствовалось в его действии какое-то мстительное удовлетворение, точно он сжигал бесполезные теперь мосты в школьное прошлое, переставшее быть интересным ему. Неужели от них уходило надолго, а может быть, навсегда раннее солнечное утро, шевелящиеся от легкого ветра занавески, пронизанные янтарным светом, звон будильника на краю стола, где под дуновением майского воздуха в открытое окно всю ночь нежно шуршали, перелистывались страницы?..

— Раиса Михайловна, — сказал Владимир, — дайте мне ключ от сарая. Я сейчас приду.

— Ты куда? — вскинул прищуренные глаза Илья и захлопнул дверцу пылавшей бумагой голландки, догадываясь о намерении Владимира. — А, ясно. Пошли.

В сарае белела щепа на земляном полу, огонек спички осветил дощатые стены, валявшийся в углу колун, и Илья покрутил его, повертел, как палицу, отбросил к порогу с глухим стуком.

— Хотел бы я знать, не по указанию ли управдома Козина уперли у нас дрова? А, Володька?

— Козин, конечно, жулик, но топить надо, — сказал Владимир и, подхватив колун, вышел из сарая. — Что-нибудь сообразить следует.

Предрассветный октябрьский час стоял во дворе, черные верхушки лип в пропасти неба гнулись, качались между звезд, и обдувало холодом близкого снега (так пахло всегда полной осенью ночью), и весь заросший дворик утопал в сгущенном шуме деревьев, и, весь пустынный, тревожно вздрагивал под порывами ветра, который издали, со стороны Зацепы, доносил волнами гул, разорванные автомобильные сигналы, и несло из тьмы улиц не печным дымом.

— В Москве что-то хреновое происходит, Володька, — сказал Илья, глядя в небо над крышами дворика. — Непонятно. Неужели удирать будем? Но из Москвы — не может быть. Так что ж, зайдем завтра к Маше? А? — спросил Илья и, серьезно начав курить под Можайском, слепил цигарку из собранной по карманам табачной пыли, и в студеном воздухе потек горьковато-кислый запах махорки.

— Завтра в военкомате... — проговорил Владимир, будто не слушая его, и с силой поддел колуном, выворотил в палисаднике затрещав-

шую доску вместе с гвоздями. — Завтра в военкомате все узнаем!

Он отодрал доску и выпрямился, улавливая в гудящих навалах ветра, в скрипе ветвей отдаленные звуки движения на ночных улицах, потом ощутил в сумрачной глубине двора острую сырость земли и асфальта, прелую горечь опавших листьев, и впервые за эти часы в Москве стало вдруг закрадываться и расти в нем давящее беспокойное чувство. Нет, он не знал, что будет с ним завтра, и не знал, почему Илья опять сказал ему о Маше, хотя еще весной едва замечал ее в школе, пренебрежительно говоря, что только по выходным может терпеть эту комнатную розочку, эту длинноногую фею со вздернутым носиком, а она в ответ смело смеялась над ним, заявляя, что более грубое животное даже в зоопарке не встречала. Нет, то была не ненависть...

— Ты хочешь зайти к Маше, Илья?

Он поднял голову и увидел за плечом Ильи, над самым угольным козырьком крыльца, две крупные звезды — одна воспаленно-красная, другая пронзительно-белая, как два до предела раскаленных зрака Вселенной, глядящих из беспредельных пространств мрака на землю, — впоследствии, через много лет, вспоминавшиеся ему роковым предзнаменованием, тем более что две огненные звезды рядом, сближение их, по древнему календарю, о котором он узнал позднее, обозначались двумя смыслами: смерть Цезаря и гибель великой державы.

— Чего ж не зайти? Зайдем, — сказал Илья развязным тоном и нарочито, по-мужицки сплюнул на цыгарку, щелчком отшвырнул ее в кусты палисадника. — А ты что — против? Помоему, ты вроде был к ней неравнодушен, а?

— Чу-шь! — ответил Владимир презрительно.

Когда с охапкой нарубленных досок они вернулись в квартиру, пламя керосиновой лампы было экономно пригашено, Раиса Михайловна сидела на табуретке перед раскрытой дверцей голландки и задумчиво подкладывала в огонь смятые комья старых газет, по ее печальному лицу, по стенам, по корешкам книг в шкафах ходили красные отсветы. Илья заговорил весело:

— Сейчас раскочегарим дровишками, и как в Сандунах будет. Назло кочерыжке-упраздому! Верно, Володька? За что страдали на окопах? А? То-то!

Он шумно свалил «дровишки» к голландке, сел прямо на пол, бросая расщепленные доски в печь, и видно было, что, обуянный желанием деятельности, он готов к неукротимому бодрствованию, но Владимир сказал:

— Спасибо, Раиса Михайловна. Я к себе.

Раиса Михайловна задержала его:

— Володя, может быть, я тебе на диване постелю? Оставайся сегодня. Скучно будет одному в пустых комнатах и холодно.

— Мать, мы на земле, подложив кулак под голову, спали, — захохотал Илья, — а ты со всякими мелочами... Ладно, до завтра, Вольдемар!

Владимир поморщился: он не любил, когда Илья называл его на этот дружелюбный книжный манер, в котором вроде бы звучало не вполне серьезное обращение старшего к младшему.

Электричество сочилось ослабевшим накалом, наполняя комнату красноватым туманцем, из него неуклюжим боком выступал квадрат старинного буфета, в углу отсвечивал кафель холодной голландки, и пятнами выделялись опущенные светомаскировочные шторы в необогретых комнатах, так скороспешно оставленных матерью и отцом. Но мысль о свободе, о полной независимости завтрашних действий, мысль о том, что ему просто повезло (нет, хорошо, что он совсем один дома!), облегчающе возбудила и успокоила его. Он нашел в потемках пахнувшего нафталином шифоньера свое зимнее пальто, лег на диване, подбил под голову диванную думку, накрылся пальто до подбородка — и тишина поползла по комнатам, заполнила весь дом, дворик под звездами, улицы, переулки, тупички Замоскворечья, и уже не слышно было со стороны Зацепы разорванных сигналов автомашин, лишь порой дребезжали стекла от какого-то неощутимого сотрясения в городе.

«Маша», — подумал он и закрыл глаза, съеживаясь, словно окутанный зябкой паутиной, испытывая томительную неясность радости, любви и стыда, что чувствовал всегда, даже увидев Машу издали, ее гибкую поступь, волнистое колебание ее узкого, с пелериной пальто, какого никто в школе не носил...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Его разбудил рев грузовиков, и он, продрогший, вскочил с дивана в темноте выстуженной комнаты, увидел щелочки утреннего света по краям маскировочной бумаги и с шуршанием задрал ее к верхней раме окна.

Было серое октябрьское утро. Первый иней солью лежал на распластанных листьях, примерзших к мостовой, по которой в направлении Валовой улицы медленно двигалась колонна грузовиков, дымивших в холодном воздухе. Сквозь завывание моторов прорывались взбудораженные голоса людей, люди шли у бортов машин хаотичной и растянутой толпой, резко выделялись драповые пальто, ватники, теплые ушанки, будто разом наступила ночью жестоким морозом зима. И эти возбужденные, мрачно озабоченные лица людей, и это свинцовое утро, побеленное инеем, слитный рев, рокот грузовиков, грубые крики, чемоданы, узлы в толпе, низкое пасмурное небо над крышами — все это впилось тревогой в сонное сознание Владимира, и он подумал, что на улицах началось что-то неудержимое, угрожающее, что уже приходилось видеть ему, когда прорывались из окружения под Можайском. И он тогда бросился к молчавшей тарелке репродуктора, забыто не включенного вчера, воткнул вилку в розетку. Звонкие удары военного марша, бодрые звуки духового оркестра празднично ворвались в комнату, как еще недавно бывало в первомайские утра или ноябрьские дни. Но этот вид бегущей по улице толпы, эти звуки торжественного марша вызвали у него такое внезапное чувство ничем не отвратимой, придвинувшейся опасности, что озноб иголочками заколол и стянул кожу на щеках. Он словно наяву увидел немецкие танки, вползавшие на опустевшие окраинные улицы Москвы, и от этого невозможного видения и от тусклого отсвета хмурого набухшего неба на мокрых крышах, от звуков марша за спиной, топота, криков под окном он замерз и, сжав зубы, стал торопливо одеваться, но тут послышался стук в дверь и голос Ильи из коридора:

— Вольдемар, подъем! Выходи строиться! Взять лопаты! Пошли завтракать, жареная картошка уже на столе! Быстро!..

— Заткнись со своим дурацким Вольдемаром! — сердито огрызнулся Владимир, распахнув дверь. — Видел, что на улице творится?

— Видел, видел, — небрежно сказал Илья, стоя на пороге, выспавшийся, причесанный после умывания, одетый в шерстяной лыжный свитер, по-спортивному обтягивающий его мускулистую грудь. — Ну и что? Радиоламповый завод, видать, эвакуируется. Идем, позавтракаем и потопаем в военкомат.

На улице их обволокло выхлопными газами — колонна грузовиков, вхолостую работая моторами, остановилась длинной вереницей на Лужниковской, задержанная невидимым затором впереди, а люди с выражением мрачной подавленности все скапливались, шли и бежали в направлении Зацепы, и Илья, не выдержав, наугад крикнул кому-то:

— Куда вы?

Но ему не ответил никто.

На Большой Татарской возле настежь раскрытых заводских ворот сходилась, сгущалась, гудела толпа, запружавая мостовую и тротуары, и здесь Владимир с подмывающим нетерпением обратился к сутулому морщинистому человеку в драповом пальто, истово закуривающему под фонарем самокрутку из обрывка газеты:

— Что, эвакуация? Опять?

— А не видишь своими зенками? — ощетинил редкие усики человек в драповом пальто. — Бегут, аж у всех глаза, как автомобильные фары! Видал?

— Да куда они?

— Как куда? Ты что — Ванек с Пресни? Не знаешь, что немцы фронт прорвали, на Москву прут?.. Правительство, слыхал, где? В Куйбышеве, говорят, вот где!.. Понял?

— Слухи паникерские, дядя! — вмешался в разговор Илья. — Кто сказал, что правительство в Куйбышеве? Детских сказочек Корнея Чуковского начитались?

Человек в драповом пальто сплюнул, морщинистое лицо его озлобленно напряглось.

— Ах ты, сукин сын, щенок поросячий, учить меня вздумал? Сказки я тебе говорю? Слухи распускаю? А ты кто такой, что учить рабочий народ хочешь? Я тебе за паникера, сосунок безмозглый, все уши пооборву!..

— Напрасно ругаетесь, дядя, — сказал Илья с невозмутимостью и, опасно смеясь прищуренными глазами, молниеносно перехватил руку морщинистого человека, в несдержанном порыве гнева потянувшуюся к его уху, сдавил ее так сильно, что тот охнул, обнажив прокуренные зубы. — А это уж совсем дореволюционные привычки, давно устарело, — договорил разочарованно Илья. — Уши драли в девятнадцатом веке, как известно, и то в купеческих семьях.

— Ах ты, молокосос, молокосос! Да ты что ж, хулиганствуешь! Патрулей позвать? Патрулей?..

— Прощайте, дядя, будьте здоровы! Зовите патрулей.

Невозможно было объяснить безудержный гнев этого человека с редкими усиками, по возрасту своему, вероятно, годившегося им в отцы, необъяснима была и его попытка «пооборвать уши». Однако они тут же забыли о случайном столкновении, подхваченные ринувшейся к проходной завода толпой, которая тесно, душно собралась и жала со всех сторон напротив раскрытых ворот, как в ожидании каких-то новых сообщений, и вокруг накалялся шум голосов, лица нервно и жадно выискивали, вытягивались туда, где стояли у проходной одетые в ватники рабочие с красными повязками на рукавах. А за воротами был виден пустынный двор, кирпичные здания цехов, легковая «эмка» на асфальтовом пространстве меж корпусов, группка людей около низенького толстого человека в кожаном пальто. Человек этот как-то зло повернулся, мотнув кожаными полами, торопясь, пошел к проходной в сопровождении группы людей, у ворот остановился, вскинул кулак и, багровея начальственно суровым круглым лицом, крикнул властным тоном привыкшего распоряжаться человека: «А-арищи рабочие!» — и мгновенно по толпе пробежал зыбью стихающий шепоток: «Директор, директор...» И люди зашевелили головами, плотнее придвигаясь к воротам, ища взглядом с возникшей надеждой кожаное пальто и этот возбужденно взлетавший для удара по воздуху маленький кулачок.

— Товарищи рабочие! Всем вам ясно, что немецко-фашистские орды подошли к стенам столицы, положение чрезвычайно серьезное! Дело идет о жизни и смерти Советской власти, о нашей с вами жизни и смерти! Враг под Можайском и Малоярославцем! Поэтому я призываю вас к железной дисциплине, к бдительности, к решительной борьбе против паникеров, дезертиров и шептунов, которые изнутри подрывают нашу стойкость, сеют неуверенность, малодушие в наших рядах!..

— Надо было бы, между прочим, того субчика с усиками за шкирку взять, — сказал раздумчиво Илья, протискиваясь в толпе перед воротами, и было ясно, что он действительно жалеет о не доведенном до конца деле. — Очень уж подозрительная морда. Тебе не показалось, что витрина у него шпионская? И усики вроде наклеенные. Вернемся, проверим?

— Ну, хватит ерунду!.. — одернул Владимир, не слушая Илью и видя над плечами и спинами сгрудившихся людей твердый кулачок, разрубающий воздух вместе с отрывистыми словами:

— ...должны приступить к формированию коммунистических и рабочих рот и батальонов!.. Наступила пора... тяжелых испытаний для всех нас!..

Его последние слова дошли до них издали — они наконец продрались через скопление людей у заводских ворот, толпа, и гул, и ее дыхание остались позади, и теперь улица до перекрестка странно опустела, липы по-

всюду стояли черные, и листья, влаянные в стеклянный ледок, темнели на мостовой. Но безлюдье этой улицы с ее тихими домами и деревянными заборами затихших замоскворецких дворичов и только что физически ощущаемое напряжение толпы почему-то возбудили у обоих острое чувство решенной перемены в их жизни, и они переглянулись. Илья толкнул Владимира локтем.

— Понял?

— Понял.

Во дворе райвоенкомата было людно, шумно, везде толпились под тополями парни в новеньких ватниках, осенних городских пальтишках, везде курили, негромко переговаривались, иные сидели на ступеньках грязного, обшарпанного крыльца, иные притопывали по асфальту замерзшими в летних ботинках ногами, иные хмуро читали приказы и распоряжения коменданта города Москвы, наклеенные на доске рядом с газетой «Правда», где резко бросался в глаза крупный заголовок: «Враг продолжает наступать!». Почти все, кто был в этом дворике, прибыли сюда согласно полученным мобилизационным повесткам и все ждали вызова своей очереди в комнату двадцать шестую, на втором этаже, к майору Хмельницкому, как подробно выяснил Илья, а выяснив, предложил план действия в обход «дуриковской толкучки», которую до вечера не перестоишь, план простой, верный, исполненный дерзости: подняться на второй этаж к комнате двадцать шестой, здесь сказать стоявшим у двери, что добровольцев записывают вне очереди, и таким образом пройти в таинственную комнату к майору Хмельницкому.

Задуманный план удался необычно легко, но когда вошли и заявили без подготовки, что оба хотят записаться добровольцами в армию, грузный лысый майор, прочно разместившийся за столом рядом с юным остроносеньким лейтенантом, медлительно возвел пустынные от бессонницы глаза, посмотрел слепо поверх их голов, а лейтенант, рывшийся ловкими девичьими пальцами в куче папок, прекратил бумажную работу и радостно показал чистые смеющиеся зубы, как бы встретив давних сообщников.

— Вот, товарищ майор, — сказал он школьным мальчишеским голосом. — Слышали?

— Ясно, — ворчливо ответил майор и, не меняя выражения глаз, спросил Илью: — Сколько?

— Что, товарищ майор?

— Сколько годков от роду, спрашиваю? И какого месяца? Только не врать, по документам проверю. Ну, отвечай. Точно, коротко и без загибона. Ясно?

— Семнадцать. Родился десятого мая.

— Ясно. Не соврал, — с одобрительным равнодушием проговорил майор и сонно посмотрел поверх лба Владимира. — Ну, а тебе? Тоже семнадцать? Или шестнадцать?

— Нет, семнадцать, — сказал обиженно Владимир. — Родился в августе. А почему вы подумали, что шестнадцать?

— Идите-ка по домам, ребятишки. А лучше — уезжайте, пацаны, из Москвы. Подальше. Вот вам мой совет.

Лысый майор утомленно пощупал свой снежной белизны, аккуратно подстриженный висок и насупился (наверное, болела голова), а остроносый лейтенант, уже не показывая одобрительно смеющиеся зубы, силился за спиной майора украдкой что-то объяснить мимикой юного пунцового лица и возводил глаза к потолку до того мгновения, пока майор не оборвал эти тайные знаки:

— Лейтенант Гулькин, не жестикулируйте глазами и не дышите мне в затылок, зовите следующих, с повестками!

— Подождите! — заторопился Владимир, охваченный горячим сопротивлением против равнодушия лысого майора. — Мы были на окопах под Можайском, товарищ майор, и... вернулись, чтобы пойти в армию. Мы не хотим эвакуироваться.

— А-ха-ха, ребятушки, братцы солдатушки! — Майор прикрыл ладонью рот и так судорожно зевнул, что выступили слезы на красных веках, затем проговорил с коротким выдохом: — Ох, и дурь у вас молодецкая в пустых головах, все песенки поете, соловьи вы бесхвостые! Сводку Совинформбюро сегодняшнюю слышали? Знаете, что немцы под самой Москвой? Соображаете, что положение на Западном фронте серьезно ухудшилось? Что вы мне голову морочите? Куда я вас возьму до сроку, скажите вы мне на милость, пацаны замоскворецкие? В добровольцы разрешено зачислять людей в возрасте от восемнадцати до пятидесяти. Вам-то восемнадцать через целый годочек будет! Годо-очек! — протянул он, и его помятое невыспавшееся лицо выразило безмерную скуку. — Чапаев, небось, из башки у вас не выходит? Тачанки, сабли и прочие игрушки-побрякушки!

— Нет, товарищ майор, — самолюбиво вмешался Илья. — Это уж мы знаем: против танка в трусиках не попрешь...

Остроносенький лейтенант прыснул смехом, но тут же достал носовой платок, с серьезным видом высморкался, сказал звонким голосом:

— Товарищ майор, у нас есть разнарядка в артиллерийское училище. Конечно, туда тоже с восемнадцати, но...

— Подпевала и хода-атай ты у меня, орел, летать тебе негде, — прервал майор раздраженно. — Небось, сам рвануть, куда повеселее, задумал! Дети вы, дети, в чердаках ветер гуляет, хоть вы и дубины на вид здоровые, одной минутой живете. Ну, ладно, совет и слова вас не научат, жизнь вас научит. И не враз, а всю задницу искلюют, тогда и поймете, почем нюх табаку! В артучилище, значит? Раньше призывного сроку? Вместо эвакуации? — спросил со скучной злостью майор, тяжелые морщины набрякли, обвисли мешочками под его непроспанными всепонимающими глазами, и, увидев радостное просветление на лицах Владимира и Ильи, насупил брови, скомандовал голосом веской значительности: — Лейтенант Гулькин, запишите адреса! Через пару деньков вызовем, если все на своих местах останется и если не передумаете!

Они вышли из военкомата, испытывая счастливое возбуждение людей, которым могло не повезти и неслыханно повезло, и в этом везении была не случайность, а благосклонная судьба, завершение их прежней жизни и начало новой, серьезной, веселой, ожидаемой...

— Ну, если бы не лейтенант, все пропало бы! — воскликнул взволнованно Владимир. — Этот сухарь майор и разговаривать бы не стал! Эвакуироваться, и все!

— А дятел парень ничего, — поддержал Илья, не без удовольствия закуривая на улице. — По мордашке-то слабак, манная кашка, маменькин сынок, а на деле все как надо соображает. Слушай, Вольдемар, есть предложение, — с добродушной развязностью заговорил он, удовлетворенно оглядываясь на двухэтажное облупленное здание райвоенкомата за сквозными тополями во дворике. — Дома делать нечего. Пошатаемся по Москве, поглядим, авось, кое-что прояснится. Подзаправимся где-нибудь в забегаловке.

— Кажется, я тебе давно сказал: пошел на фиг со своим Вольдемаром. Где ты и когда вычитал какого-то идиотского «Вольдемара»?

— Ну, ладно брыкаться! Любя я, Володька, любя.

Продолжение в № 46.

БАГРОВЫ, СЕВЕРНЫЕ ЛЮДИ

И не верит Никита, что под ногами у него суша! Что на зубах песок, а лицо измазано глиной... А когда поверил, пополз по берегу острова, к которому добирался сквозь бури и пургу. «Грязный, заросший, залепленный глиной, я шел... Шел к жизни, к Насте, своей жене». Этими словами кончается роман Саввы Морозова «Льды и люди». Начинается он с серебряной свадьбы, которую празднуют Настя и Никита Багровы...

О самых романтических страницах истории Арктики рассказывается в этой увлекательной книге. Герои ее — полярники. Семья Багровых, северные люди.

Глава ее, Егор Багров, директор «Полярстроя», родом из поморов. Служил боцманом на царском флоте, был большевиком, участвовал в гражданской войне. Он из тех людей, чьими усилиями и жертвами был проложен Северный морской путь, завоеван полюс, освоены недра и просторы Арктики, построены там города и порты.

Его дети, так же как и отец, связали свои судьбы с Северным Ледовитым океаном. Настя — метеоролог, Никита — полярный летчик, Андриан — журналист, задумавший написать книгу на материалах экспедиций.

Причудливо переплетаются в романе судьбы и факты — подлинные и вымышленные. Неожиданные повороты в сюжете придают роману особую остроту и занимательность.

Только перед смертью Егор Багров раскрывает Никите тайну, которую хранил много лет. Рассказал потому, что понял — Настя и Никита любят друг друга... Любят и мучаются этой любовью — ведь они, как и все, считают себя братом и сестрой. Но это не так. Егор признался, что Никита — сын его второй жены и известного полярного исследователя Бохховского, каторанга царского флота, который во время гражданской войны встал на сторону белых. Именно поэтому так долго хранил Егор тайну рождения Никиты.

Сложные перипетии человеческих чувств переданы тонко, чутко. Автору нигде не изменяют вкус и достоверность, которая ощущается в каждой детали. Она и в самой манере изложения. Дневники Болховского, не отправленные Никите письма Насти, незаконченные сочинения Андриана... Каждый из этих «документов» по-своему раскрывает характер персонажей.

Природа Арктики встает в романе во всей своей первозданной красоте — мятежная, буйная и ослепительная.

Автор влюблен в суровую Арктику и в ее замечательных людей, чьи черты в той или иной мере отразила книга Морозова. Гидрограф Б. А. Вильницкий, первопроходец Н. А. Бегичев, один из строителей Игарки Б. В. Лавров, капитан М. Я. Сорокин, лоцман Н. С. Горовацкий...

Савва Тимофеевич Морозов отлично знает Крайний Север. Много пишет об Арктике: о моряках, о летчиках, о строителях, военных и гражданских. Он работал в Арктике до войны. Во время войны был там корреспондентом. Сотрудничая в «Известиях» и в «Огоньке», отправлялся в экспедиции на полюс, на дрейфующие станции и на зимовки. Его очерки, как и созданный им роман «Льды и люди», всегда интересны и содержательны. Его произведения отличают высокая человеческая порядочность и честность.

Т. ТРОИЦКАЯ.

Савва Морозов. Льды и люди. М., «Молодая гвардия», 1979, 287 стр.

ПОЛЕ ТВОЕ И МОЕ

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
фото
Николая КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

От Черкасс до Жашкова проще всего лететь самолетом. Старенький «АН-2» порхает над телеграфными столбами, облетая стороной заводские трубы. Уходит за горизонт сверкающая гладь Кременчугского моря, вот справа сверкнула тонким лезвием былинная речка Рось, разворачиваются, проплывают внизу разноцветные крыши Шендеровки и Городища... Хорошо видны геометрически ровные желтые поля убранной озимой пшеницы и черные зяби.

Черкасская область создана всего четверть века назад, но Черкасщина имеет более давнюю историю. Здесь чуть ли не у каждого села можно найти остатки крепостей и замков, оборонительных «змиевых» валов, о происхождении которых спорят историки.

Эта земля много раз обагрялась кровью, горела в огне народных волнений, вытаптывалась полчищами поработителей. В тех же местах, где войска Хмельницкого наголову разбили войска двух польских гетманов, почти через триста лет громыхали жесточайшие сражения Корсунь-Шевченковской битвы.

Небольшие, как говорят, провинциальные города Черкасщины богаты революционными традициями. В Смеле, например, в конце прошлого века рабочий класс был многочисленней и производил продукции больше, чем, скажем, в Киеве. О первых классовых битвах в этом краю писала ленинская «Искра», которая перепечатывалась здесь же — в подпольной типографии в Умани.

Неисчислимые бедствия принесла на черкасскую землю минувшая война. Из одного села Шевченко, где вырос великий Кобзарь, ушли на фронт 835 человек, и 402 из них сложили головы в боях за Родину. Из села Большая Севостьяновка, где родился и вырос Иван Драченко — Герой Советского Союза и полный кавалер орденов Славы,— на фронт ушли 812 человек, и больше половины из них не вернулись. И так в каждом селении... Тут практически все население поднялось на врага. Когда в Квитку ворвался передовой батальон наших наступающих войск, он был обескровлен, в строю почти не осталось бойцов. А надо было замкнуть кольцо вокруг корсунь-шевченковской группировки врага, не дать ему вырваться из котла на этом участке. И тогда пятьсот жителей Квитки взялись за оружие.

Сегодня хозяйство области идет вперед достаточно уверенно. Если некогда мы знали в основном черкасский сахар и черкасскую махорку, то ныне в сотни адресов поступают черкасские шелк, химреактивы, аммиак и селитра, химические волокна, машины и приборы. Особенность здешней промышленности — освоение принципиально новых технологий. На заводе «Химволокно» первые две очереди вошли в строй в шестидесятые годы и мало чем отличались одна от другой. А третья очередь построена так, что многие технологические процессы совмещены. Это позволило с меньшим числом работающих выпускать больше продукции — и лучшего качества! Тут установлены вискозные комбайны. Однако силами коллектива завода и эти новейшие машины модернизированы. Несколько лет назад по предложениям рабочих ликвидированы ночные смены в текстильных цехах, где в основном трудятся женщины.

— Тут вся моя жизнь,— говорит секретарь парткома Людмила Петровна Смирнова. Она пришла на строительство завода еще девчонкой—рядовой работницей. Освоивала новую технологию, была контролером ОТК, мастером прядильно-отделочного цеха, заочно окончила институт.

Атмосферу постоянного обновления чувствуешь и в производственном объединении «Азот». Около сорока цехов этого гиганта производят аммиачную селитру, карбамид, жидкий азот, ионообменные смолы. Год назад пущен еще один аммиачный цех — «А-5». Он занял весьма скромную территорию. Мне объяснили, что не так давно цех подобной мощности разместился бы на площади, в семь раз большей! При старой технологии людей в цехе должно было бы работать в десять раз больше. Но и понятие «старая технология» относительное: четырьмя-пятью годами ранее она считалась новой...

Центральный пульт управления. Он напоминает пульт управления космическими полетами, каким мы его видим по телевизору. В просторном зале сидят аппаратчики, перед каждым — сотни приборов, самописцев, светящихся схем. Старший аппаратчик Степан Феодосьевич Завгородский следит за работой всего цеха, а в сложных ситуациях сам садится за пульт... Но вот старший надевает каску, наушники, берет с собой инструмент, портативную рацию и выходит из помещения. Все основное оборудование цеха — под открытым небом. И если где-то неполадки, Степан Феодосьевич сам проверит, отладит... При этом он держит связь по радио с аппаратчиками. Каждое его действие отражается на приборах пульта.

— Работа аппаратчика сложна и ответственна,— говорит начальник цеха Александр Прокофьевич Гаркавый.— После отпуска человека день, а то и два не допускаем к самостоятельной работе, словом, пока он заново не привыкнет к приборам и управлению... Настало время, когда аппаратчиками должны работать инженеры или такие мастера, как Завгородский. У Степана Феодосьевича есть ценнейшее качество — умение быть спокойным в аварийных ситуациях. Ведь остановка цеха — это потери на миллион рублей. А для запуска и выхода на плановый режим надо четверо суток...

Днем и ночью, в воскресенья и праздники с постоянно высоким напряжением работает богатырь «А-5» — его продукция нужна полям, садам, огородам, распростертым по обоим берегам Днепра. Во многом благодаря мощному потоку удобрений земля Черкасщины за полтора десятилетия удвоила отдачу хлеба, молока, мяса, сахара. Вот почему на современном гербе Черкасс — рука, поднимающая реторту и колос.

Новое развитие получил ныне довоенный опыт черкасских свекловодов Марии Демченко и Марины Гнатенко. Сейчас сотни бригад и звеньев берут рекордные в прошлом урожаи свеклы. Теперь свекловоды решают задачи весьма сложные — важно взять с гектара как можно больше сахара, а не корней свеклы. Развернулось движение механизаторов, которые выращивают свеклу с минимальными затратами ручного труда. Один из зачинателей этого движения — комбайнер колхоза имени Суворова, Жашковского района, Герой Социалистического Труда Емельян Никонович Парубок. Механизаторы рыхлят междурядья, подкармливают растения. А когда свекла вырастет — на поля выходит целый комплекс машин: впереди ботвоуборочная, а рядом трактор с прицепом. Тщательно срезанная сочная ботва тут же идет на силос. Комбайн РСК-6 выкапывает корни и транспортером подает в кузов грузовика. Машины отвозят свеклу на завод, а обратным рейсом — свекловичный жом. Звено не только выращивает сахар, но и заготовляет корм.

В прошлом году звено Емельяна Никоновича, в котором всего двенадцать человек, получило более шести тонн сахара с каждого из ста двадцати гектаров. Таких звеньев в колхозе три. Они полностью отвечают и за обработку еще нескольких полей, где выращивают пшеницу, горох, многолетние травы, то есть каждое хозрасчетное звено имеет свой севооборот.

Емельян Никонович Парубок — депутат Верховного Совета республики, лауреат Государственной премии СССР. Нынешней осенью он защитил диплом агронома.

Звеньевой Петр Филимонович Кулибаба, который начинал работать с Парубком, так рассказывал о своем товарище:

— У нас нет «твоего» и «моего». Поспело мое поле раньше — все три звена выходят на него. Убирали мы свеклу, спешили. Работали при свете фар часов до одиннадцати вечера, а на последнем проходе полетел у меня вал редуктора. Все люди по домам, а мы с Емельяном — в мастерскую. Пришел туда и инженер — Анатолий Коломиец. Запасного вала не оказалось. Мы разбираем машину, а Емельян Никонович — к токарному станку... К утру собрали комбайн и — в поле!..

Итоги года станут известны зимой, когда сахарные заводы переработают свеклу, а в прошлом сезоне Жашковский район дал стране почти пятьдесят тысяч тонн сахара. А он, надо сказать, не самый крупный в области...

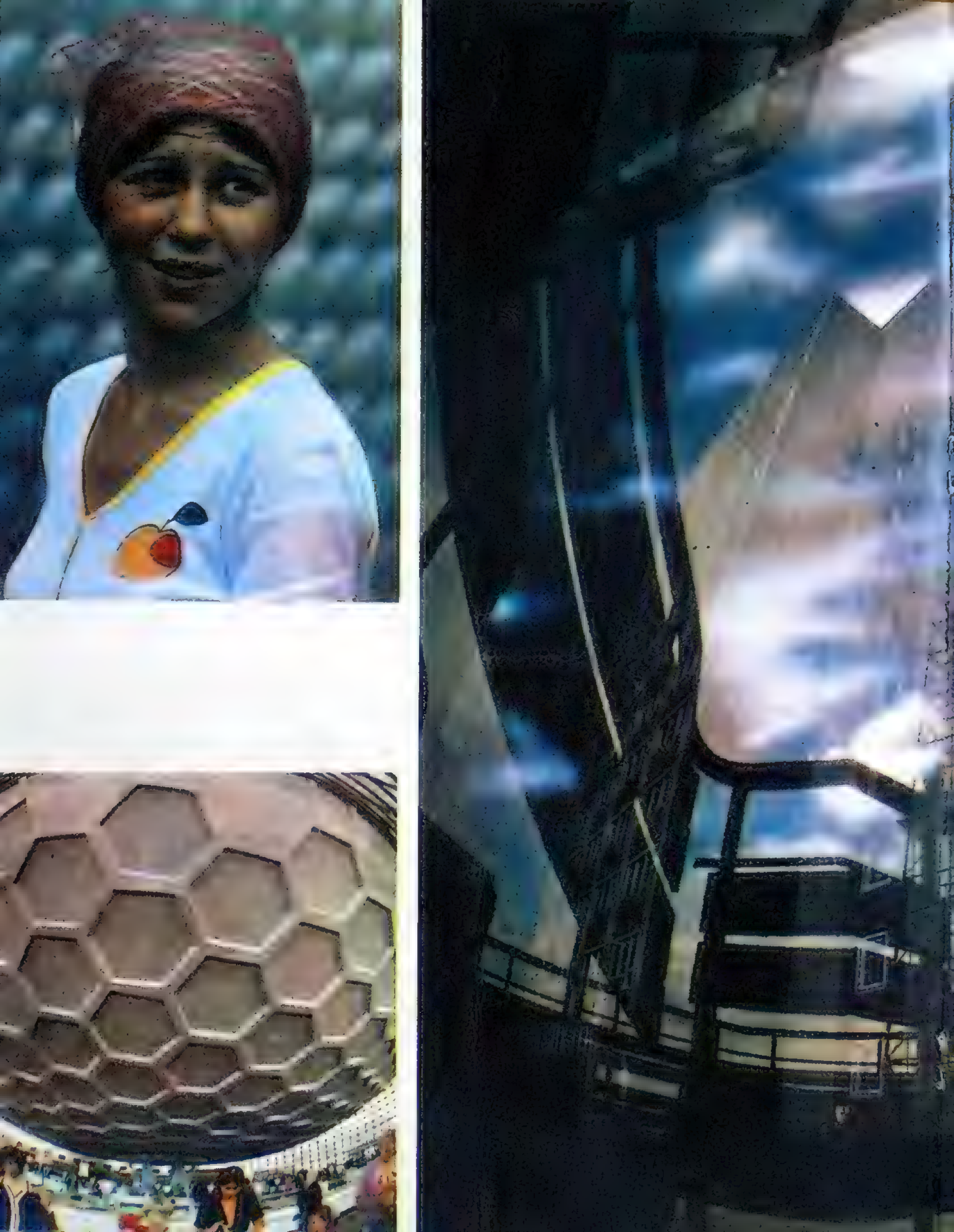
...Бегут под крылом самолета местной авиалинии грузовики. В августе каждый второй загружен зерном, овощами, фруктами, а в октябре — свеклой. Смотришь на них и вспоминаешь руку, которая держит реторту и колос.

Герой Социалистического Труда Емельян Никонович Парубок.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Галина Кириченко работает перемотчицей на Черкасском заводе химволокна. * Новый рынок в Черкассах. * Городской этюд. * Грануляционная башня аммиачной селитры в производственном объединении «Азот». * Вечер в речном порту.

ПРАВДА ВЕЛИКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Бор. ЛЕОНОВ

Внушительная библиотека собраний сочинений советских писателей пополнилась пятитомником Шарафа Рашидова, вышедшего в издательстве «Художественная литература».

Выход в свет собрания сочинений писателя — знаменательное событие не только в его личной творческой биографии, но и в культурной жизни страны. Собрание сочинений дает возможность увидеть как бы в едином целом то, что создавалось писателем на протяжении десятилетий, и осознать, понять, постичь ведущие черты его творчества, которые обусловливают это самое единство его художественного мира в идейном, тематическом и эстетическом своеобразии.

Наибольший успех в творчестве Ш. Рашидова, одного из ярких и самобытных талантов многонациональной советской литературы, достойно представляющего отряд узбекских художников слова в ряду многих славных имен национальных литератур, выпал на долю романов «Сильнее бури» и «Могучая волна», которые выдержали много изданий и снискали их автору широкую известность. Переведенные на многие языки народов мира, они несут людям земли правду великого преобразования жизни в Советском Узбекистане и вместе с тем правду великого преобразования самого советского человека, поднятого революцией к поистине исторической деятельности.

Его очерки, публицистические и литературно-критические статьи, повесть «Зрелость», созданная в жанре киноповествования в соавторстве с Ю. Карасевым и Б. Приваловым, вместе с названными романами в своем идейно-тематическом единстве предстают вдохновенным словом о победителях, о советских тружениках и солдатах — строителях коммунизма и защитниках революционных завоеваний. Не случайно первая его повесть, созданная в конце сороковых — начале пятидесятых годов, называлась «Победители».

В статье «Начало пути» Ш. Рашидов говорит об этом так: «Литературный дебют — понятие многогранное. Его нельзя свести к первой книге, тем более к первой публикации. В нем содержатся не только зерна будущего, но и своего рода итог изучения жизни и поисков своего места в литературе.

Для меня таким дебютом явилась повесть «Победители»... В этой повести, посвященной героическим делам узбекских колхозников в годы войны, я старался показать тесную взаимосвязь, единство тыла и фронта. И хотя речь шла о событиях десятилетней давности, я считал, что пишу на современную тему. Сегодня я с удовлетворением могу сказать, что это авторское ощущение имело под собой реальную основу».

В этой повести читатели впервые встретились с юными Алимджаном и Айкиз, которые затем, пройдя суровые испытания в годы войны — один на фронте, другая в тылу, предстали закаленными и возмужавшими людьми в романе «Сильнее бури». Под стать им и герои романа «Могучая волна» — юные Пулат и Бахор, комсомольский секретарь на стройке канала Анвар и бригадир Рустам. В ряду героев-победителей, которым отдано навсегда сердце писателя, — бывший фронтовик, а ныне председатель вновь создаваемого в пустыне колхоза «Восход» Пулат Каримов, его старший товарищ и наставник секретарь райкома Темиров, друзья по великому делу преобразования земли и людей — завхоз Раим и агроном Расулов, старый садовод Хаитбай и его дочь Юлдуз, с которыми мы знакомимся в киноповести «Зрелость».

В разговоре о собрании сочинений писателя я сознательно выделил имена любимых его героев, так как по тем делам, какие они совершают, по тем мечтам, которые движут ими в жизни, по их чувствам и мыслям нетрудно представить себе идейно-художественные задачи, которые решал и решает в своем творчестве Ш. Рашидов. И в то же время писатель наиболее открыто в своих пристрастиях, симпатиях, увлечениях выявляется в публицистике, в прямом слове, обращенном к современникам, вскрывающем общие тенденции развития жизни и литературы, к постижению созданного товарищами по литературному делу, какое стало для советских художников, следующих завету великого Ленина, частью единого общепролетарского дела.

С этой точки зрения особый интерес представляют публицистические, литературно-критические статьи и выступления, собранные в четвертом и пятом томах. В них идет пристрастный, пронизанный пафосом убежденности в правоте ленинских идей разговор о существе советской литературы вообще, о месте и роли художника в обществе созидателей коммунизма, о традициях Горького в художественном осмыслении героического труда советского человека, о главном герое эпохи — коммунисте, о роли великого русского языка в развитии многонациональной советской культуры и т. д.

Революция как великое социальное и духовное преобразование мира дала могучий заряд всей советской многонациональной литературе. В ее действенной, жизнеутверждающей атмосфере рождались великие художники и обогащались новым духовным содержанием эпохи те, кто уже сложившимся мастером принял сердцем правду революционного народа. Это им, молодым талантам народов и народностей страны, говоря словами А. А. Фадеева, «первым выпало на долю счастье рассказать людям о социалистической жизни и о том, как она была завоевана».

Во многих статьях Ш. Рашидов рассказывает о своих современниках, о замечательном пути становления и развития талантов таких ныне признанных мастеров узбекской советской литературы, как Айбек, Г. Гулям, Шейхзаде, Х. Алимджан, Х. Гулям, Р. Бабаджан, Зульфия, А. Каххар, К. Яшен, и многих других. Их творчество органично связано со всей отечественной литературой, оно обогащено не только опытом социалистического созидания, расцветом жизни родного Узбекистана, но и достижениями мастеров всех братских литератур, и прежде всего русской. Вот почему в статьях Ш. Рашидова словами благодарности отмечен труд М. Шолохова и Н. Тихонова, Н. Грибачева и В. Кожевникова, К. Симонова и других, которые много сделали для узбекских литераторов и как переводчики их произведений и как мастера-наставники.

В статьях о героическом труде узбекского народа в братском союзе народов страны впечатляюще раскрыты достижения республики во всех областях народного хозяйства и культуры, показана действенная сила ленинской национальной политики. Великое наследие прошлого, созданное гением мыслителей и художников, стало поистине народным достоянием. К нему приобщается все большее количество людей. Этому процессу приобщения, говорит Ш. Рашидов, служат труды таких ученых-литературоведов, как В. Захидов, И. Муминов, И. Султанов и других.

«Писатель — сын своей эпохи,— пишет Ш. Рашидов. — И значит, должен чутко реагировать на все события, происходящие в жизни народа, достойно отвечать своим творчеством на призывы партии и правительства, видеть перспективы развития общественно-социальных процессов». И это не просто литературная декларация, а как бы сердечный устав творчества самого Ш. Рашидова, в чем убеждает созданное им за сорок лет работы в литературе начиная с первых стихотворений, очерков и публицистических статей довоенных и военных лет, которые составили сборники «Мой гнев» и «Приговор истории». В них, признается писатель, «я пытался выразить свое отношение ко всему, чем жили народ и страна, что волновало моих современников, что вдохновляло на героические подвиги на фронте и в тылу моих земляков».

Именно эта активная позиция писателя, постоянно настроенного на движущуюся панораму времени в его победоносной созидательной практике, обусловила героический характер самого творчества Ш. Рашидова и органичность публицистики как основного стилеобразующего начала в его произведениях.

В его книги ворвалась социальная новь, определив значимость и значительность нравственных конфликтов романов.

Конечно же, именно такой его прозу сделала не заведомо спланированная и заранее предрешенная им самим идея «бунта» против традиций. Таковой была логика развития жизни народа, совершившего революцию, построившего социализм и победившего вероломного врага в годы Великой Отечественной войны. Более того, его творчество отнюдь не лишено связи с классическим наследием прошлого, с наследием литературы Востока, но уже оцененным, осмысленным в свете нового опыта созидания общества социальной справедливости. Этот опыт — результат практической деятельности человека в едином строю с поколением ровесников Октября, вместе с поколением всего советского народа.

«Я не мыслю себе усвоения духовного опыта,—признается писатель,—накопленного нашим народом после революции, вне непосредственной органической связи с практикой коммунистического строительства. Восстанавливая в памяти важнейшие моменты собственной биографии, я как бы перелистываю героические страницы истории моего поколения, прошедшего суровую школу жизни. Я не только наблюдал, как создавались крупнейшие водохранилища, возводились гигантские по тем масштабам гидростанции, прокладывались громадные каналы, осваивались бескрайние просторы пустынных, выжженных солнцем земель, но и сам участвовал в общенародном деле».

Иным и не может быть путь художника социалистического реализма. Только участие в великом походе созидания новой жизни формирует личность борца за идеалы партии Ленина, воспитывает в человеке высокие чувства советского патриотизма и интернационализма, открывает ему в нашей действительности подлинного героя эпохи — коммуниста, чтобы, претворенное талантом художника, все это воплотилось в горячее и вдохновенное слово о победителях.

◀ Первый комендант рейхстага Герой Советского Союза полковник Ф. М. Зинченко — большой друг детворы.

К СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. Ф. ИОФФЕ

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

«ИЩИТЕ НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ»

Визитная карточка двадцатого столетия помечена росчерками перьев выдающихся физиков и конструкторов. Атомное ядро, космос, лазер, полупроводники...

«Итоги научно-организационной деятельности Абрама Федоровича Иоффе огромны. Исключительная роль Абрама Федоровича в деле создания советской школы физики связана с тем, что он не ограничивал свои интересы какой-то узкой областью, а живо откликался на все важнейшие течения физики, на запросы науки и народного хозяйства». Это слова академика И. В. Курчатова.

Будучи профессором Петербургского политехнического института, А. Ф. Иоффе горячо и безоговорочно встретил Октябрьскую революцию и с первых ее дней стал одним из активнейших руководителей науки и подготовки кадров физиков Советского государства.

Основанный по инициативе Владимира Ильича Ленина в 1918 году Государственный физико-технический рентгенологический и радиологический институт, директором которого был Иоффе — ныне ЛФТИ,— стал первым советским научно-исследовательским физическим центром. Здесь долгие годы работали выдающиеся ученые И. В. Курчатов, П. Л. Капица, А. П. Александров, Н. Н. Семенов, Г. М. Франк, Л. А. Арцимович, Б. П. Константинов. Все они были непосредственными учениками академика Иоффе.

Как же сегодня в институте, носящем имя А. Ф. Иоффе, развиваются его научные идеи?

Я беседую с профессором Борисом Тимофеевичем Коломийцем. Он один из тех теперь уже немногих ученых, кто под руководством Абрама Федоровича начинал «полупроводниковую» тему и остался верен ей до сего дня. Много лет он руководит лабораторией фотоэлектрических явлений в полупроводниках.

Само явление возникновения электрического тока в веществе под воздействием света было обнаружено еще в прошлом веке. Многими физиками делались попытки развить и использовать это чудесное свойство природы. Обильные световые потоки лились в лабораториях, однако стрелки гальванометров лишь сонно подрагивали.

— Полвека назад академик Иоффе предсказал победоносное будущее полупроводников. По его совету,— вспоминает Борис Тимофеевич,— я в тридцать первом году начал работы по фотоэлектричеству. Года через два-три нам удалось превратить в электричество одну десятитысячную часть падающей световой энергии. И вот при таком, казалось бы, скромном результате — коэффициент полезного действия в одну сотую процента — Абрам Федорович увидел перспективу совсем иных порядков. Уже тогда он назвал мне просто сумасшедшие цифры — пятнадцать — двадцать процентов. «Ищите новые материалы,— говорил он,— только на них нужно рассчитывать, только там секрет высоких коэффициентов полезного действия».

И ученые искали. Шли годы. Научные идеи воплощались в создании огромного количества полупроводниковых приборов, которыми вершилась революция в технике. В самом Физико-техническом институте впервые в нашей стране были получены мощные выпрямители, транзисторы, фотодиоды, фоторезисторы, солнечные фотоэлементы. Поиски новых материалов, а вместе с тем и поиски новых свойств полупроводников продолжались.

Профессор Коломиец давно задумывался над тем, что в ряду исследуемых материалов нет полупроводников сложного состава, и потому продолжил поиски уже в этом направлении.

И вот в одном из исследуемых сплавов была обнаружена любопытная аномалия — сплав имел все свойства стеклообразного вещества.

Сплав этот оказался отнюдь не уникальной композицией, а вытащил за собой на свет целую группу сплавов, причем обладающих полупроводниковыми свойствами. Так вошел в жизнь новый класс полупроводников, который ныне известен во всем мире под названием стеклообразные полупроводники. Наличие высокой электронной проводимости и полупроводниковых свойств в стеклообразных материалах было признано открытием.

Вскоре стеклообразные полупроводники явили исследователям богатое многоцветье своих достоинств.

Борис Тимофеевич берет кусочек пленки стеклообразного полупроводника и освещает его лучом лазера. На пленке остается темное пятнышко — след изменившихся оптических свойств. Затем усложняет задачу, помещает пленку в рентгеновский аппарат, и вскоре в руках у меня рентгеновский портрет дверного ключа. Причем не надо никакой химической обработки пленки.

— Такая пленка,— поясняет профессор,— обладает редкостной разрешающей способностью. На куске ее размером в почтовую марку можно уместить текст огромного исторического романа. Теперь подумайте сами, как этим [redacted]

И тогда я начинаю представлять себе, что здесь скрываются и безграничные объемы памяти вычислительных машин, и множительная техника, способная воспроизводить и тиражировать тончайшие рисунки и огромные замысловатые схемы, и высокого качества фотография...

— Причем все это без использования серебра, которого во всем мире так не хватает,— добавляет Борис Тимофеевич.— И видеозапись, и голография, и уникальнейшие телевизионные передающие трубки. И вообще очень многое, о чем, конечно, полвека назад никто из нас даже не мечтал. И что, кстати, уже создано или создается...

«Полупроводники могли бы снабдить электроэнергией весь земной шар, используя участок поверхности в сто километров»,— писал А. Ф. Иоффе.

Однако долог путь к этому. И дорог. К тому же высокая стоимость самих фотоэлементов — хотя и главное, но не единственное препятствие.

— Зато возможно резкое повышение коэффициента полезного действия,— говорит академик Ж. И. Алферов, заведующий лабораторией контактных явлений в полупроводниках.— Все преодолимо, все прогнозируемо... Вы знаете, что «фотоэлектрический кпд» уже сейчас соизмерим с кпд тепловых, гидро- и атомных станций, а в перспективе станет и существенно выше? Да и по стоимости солнечная электроэнергия скоро также значительно подтянется, а может быть, и сравняется с энергией, получаемой любым другим способом.

Над проблемой создания солнечных станций работают сейчас во всем мире. В нашей стране успешно испытываются несколько десятков таких установок. На них «живут» маяки, радиорелейные линии и даже газо- и нефтепроводы, сильно страдающие от коррозии, спасение от которой нашли в действии электрического поля. Уже сегодня солнечные электроустановки дают миллионы рублей экономии.

Мы поднимаемся на крышу института, где установлен разработанный в лаборатории академика Алферова модуль солнечной фотоэлектрической станции. Четыре зеркала должны целиться на солнце и направлять сфокусированные лучи в четыре полупроводниковых преобразователя. Отслеживать же положение светила — дело автоматики.

На мое счастье, в этот хмурый осенний ленинградский полдень солнце пробило облачность, и теперь можно было не просто поверить на слово. Зеркала заиграли яркими бликами, заурчал электромотор, а в руки мне кто-то из сотрудников дал электробритву. Солнце хотя и не грело, но брило исправно...

«Как фотоэлементы превращают часть лучистой энергии в электрическую, так термоэлементы создают электроэнергию за счет тепловой»,— с такой простотой академик Иоффе описал суть термоэлектричества в одной из своих статей.

Но те же термоэлементы решают и обратную задачу — получение холода и тепла.

Ученик Иоффе профессор Л. С. Стильбанс создал первый в мире холодильник, работающий на этих принципах. У таких холодильников много достоинств — практически безграничный срок службы, отсутствие движущихся частей, а стало быть, бесшумность, способность работать в широчайшем диапазоне мощностей и температур, высокая точность и стабильность поддержания температуры.

Установки нашли обширное применение в технике. С их появлением повысилась точность технических операций многих устройств и машин.

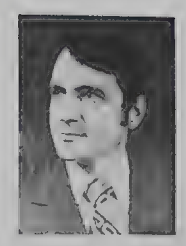
...Вот что значит искать новые материалы, новые методы...

Абрам Федорович Иоффе.

Иван САВЕЛЬЕВ

ДАЛЕКИЕ ДОРОГИ

* * *

Над реактивным пламенем твоим,
Двадцатый век,
Все та же синь струится,
Все те же зачарованные птицы
Подвижнически
Песнь поют под ним.

Из ниш земли и глубины морей
Смерть темные глаза свои таращит...
Но, как и прежде, храбрый муравей
Хвоинку по дороге жизни тащит.

Да можно ли живую жизнь убить,
Коль сквозь асфальт восходит жизнь цветочка,
Когда заря не устает трубить
В сияющий, летящий, голубой —
Неистребимый колокол земной
И в колоколец каждого цветочка?!

БАЛЛАДА О МАМЕ, ОТЦЕ И ОБО МНЕ

Мама, мама в плюшевой шубенке!
Старая везет нас лошаденка.

Шаг ее испытанный, степенный.
В хомуте идет послевоенном.

Папкина ременная подпруга.
Мама, мама, вся в снегу округа.

Скрип полозьев, как зима, тягучий,
Зимние заносчивые тучи —

Все тоской мне сердце обложило...
Если бы не надо ехать было!

Едем лесом... Едем. Ты вздыхаешь:
— Не замерз? — Тулупчик поправляешь.

Я молчу, как в чем-то виноватый.
Так отец мой спрашивал когда-то.

Мама, мама, я не слышу сердца —
Мне уже вовек не отогреться...

ПУЛЬСАРЫ

Под куполом звездного шара —
Во рту онемели слова —
Услышал я голос пульсара —
Космические жернова!

О вихрей крутящийся голос,
Направленно бьющий к Земле,
Где звездные зерна мололись
В туманной космической мгле!

Я мысленно видел лавину
Не ядра летящих частиц —
И высвобождались нейтрино,
Не зная в полете границ.

И в вихре чудовищно грозном
Я мудрую тайну постиг,
Ведь слышал я в голосе звездном
Рождения радостный крик!

И, сквозь немоту пролетающий,
Он падал и в бездне тонул...
И сам я в себе нарастающий
Услышал космический гул.
Не так ли, боясь передышки,
Горим мы в огне ремесла,
Как та испытавшая вспышку
Звезда, что язык обрела?..

* * *

О блеск и шум поэтов новых!..
Но я ловлю себя на том,
Как не хватает Смелякова,
Его открытой и суровой
Строки с лопатой и кайлом.

Средь тех на локти тороватых,
Средь сильных цеха моего
Как не хватает нам, ребята,
Его походки угловатой
И даже резкости его.

Любой московский переулок,
Быть может, тем и знаменит,
Что он хранит его сутулость
И эхо голоса хранит.

Он обучал работе Музу
В семье людей мастеровых —
И крепче не было союза,
Чем узы творческие их.

Но, как бы ни было нам плохо
Без смелых смеляковских глаз,
Его судьба, его эпоха
Все резче проступают в нас.

Нам все сильней необходима
Его строка, что тем сильна,
Что лишена пустот и грима
И украшений лишена.

ХОМУТОВСКАЯ СТЕПЬ

Дочери Татьяне.

Над рекою Еланчик — рыбацкая сеть
Паутин на ветвях. Мчит машина, пыля...
Ты в полон забрала, Хомутовская степь,
Ты глаза обожгла серебром ковыля.

Ты на пыл браконьера наложила табу,
Потому и цветешь под шатром синевы.
То ли Войска Донского распластался табун,
То ли гривы текут шелковистой травы.

Как просторно — аж кругом идет голова.
Я иду — где простору степному конец?
Дай мне силы твоей, кузьмичова трава,
Надели меня жаждою солнца, чебрец!

Я хочу в Хомутово до заката успеть,
Там меня укачают о прадедах сны.
Мне с равнины твоей, Хомутовская степь,
Как с экрана земли, все дороги видны...

ДОСТОИНСТВО

«Достоинство!» — гордясь, произношу
Высокое раскованное слово.
Достоинство — характера основа.
Как орден, я достоинство ношу.

Я не похож на тех, что влюблены
В самих себя —
Опасней год от года, —
Во мне живет достоинство страны
И гордого великого народа.

Мне незачем переходить на крик,
Когда борюсь за правду и идею, —
Мне дан — я перед ним благоговею —
Великого достоинства язык.

Хочу я, чтоб на этом языке
Гимн подвигу народному был создан
За каждую слезинку на щеке
Отчизны и за матушкины слезы.

* * *

«Любимая, любимая, любимая... —
Шепчу тебе и радостно молю: —
Люби меня, люби меня, люби меня,
Как я тебя, красивую, люблю!»

Один, один я знаю, как прекрасна ты,
И потому от сердца не гони!
Твои глаза — два сумасшедших праздника,
И никогда не кончатся они.

Живу я не под небом, а под именем,
Которое, как высший дар, храню...
Я повторю бессчетное — любимая,
Как припаду к священному огню.

ВСТРЕЧА

Снегами — кристаллами слез —
Усыпаны плечи берез.

И поле за белым леском
Развернуто белым листом.

Иду я, не чувствуя ног...
Вон — белый на маме платок.

«Постой!.. — я себе говорю. —
Дай издали я посмотрю

На белый над крышей дымок,
На матушкин белый платок...»

СМОЛЕНЩИНА

То под дождем, то долгими снегами
Из края в край зимой заметена...
Как венами, опутана реками
Смоленщина — лесная сторона.

Я странствовал уверенно и много,
Слагал о жизни радостную песнь...
Но все мои далекие дороги
Здесь начинались и кончались здесь.

За времени чертой необозримой
Я разглядел ее крутой разбег...
И я не зря зову ее любимой —
Она и есть любимая навек.

И потому, где б не жил я и не был,
На самый в жизни справедливый суд
Ей голову, чуть тронутую снегом,
Повинную — и всякую — несу...

* * *

Сумасшедшие ветры на просторы России напали —
Аж дубы-крепыши рокотать на пригорках устали.
И оторванной жестью стучат напряженные крыши.
Я под ветром кричу и свой голос оглохший не слышу.

Я стою над Днепром, на котором вскипают буруны,
И струной тетивы натянулись души моей струны.

Словно жду я чего-то от этого ярого ветра,
Словно я не прошел по земле все мои километры.

Я прошел их давно. Ничего уж почти мне не надо —
Мне всегда не хватало материнского скорбного взгляда.

Мне всегда не хватало в окне ее мягкого света...
Что же ждать мне теперь от недоброго этого ветра?

Я стою на ветру — жестко листья дубы осыпают.
И днепровские воды за спиною моею вскипают...

ВЗГЛЯД ЛЮБИМОЙ

Не надо ничего —
Ни славы, ни награды,
Сияло б торжество
Немеркнущего взгляда.

Не надо, чтобы жизнь
Беспечно улыбалась,
А надо, чтобы высь
В том взгляде отражалась.

Не надо, чтоб карал
Он за вину. А надо,
Чтоб ты под ним стоял,
Как под Отчизны взглядом.

И духа торжество
В нем жило так отважно,
Чтоб было за него
И умереть не страшно.

ПОЭТУ

Чтоб все задуманное сбыться
Могло,
Ты должен онеметь,
Цветком расцвесть, дождем пролиться,
Обвалом горным прогреметь.

И, испытав людское счастье,
Какое не дается впрок,
На почве гибели и страсти
Поднять Поэзии цветок.

* * *

Все это для тебя: и синий всплеск волны,
И солнечный песок, плывущий под ногой,
И тополей в ночи серебряные сны,
И в дымке небосвод с огромною луной.

Из пенистой волны она едва взошла,
Морская пена вниз течет с ее лица...
Все это для тебя: и шумный плеск весла
И даль, которой нет и не было конца.

Исчезнет тишина — вот-вот пойдет свежак
И волны понесет на стынущий песок.
Мне хорошо с тобой. Мне здесь свободно
так —
О, если б до конца все высказать я мог!..

БАЛЛАДА О ПЛАНЕТЕ ФАЭТОН

Верю я — хоть, может, и смешон, —
Что была планета Фаэтон,
Что была — красивая — она
Под звездой счастливой рождена.
Был там точно — ведь един закон —
Атом непокорный укрощен!
Что там атом? На планете той
До бессмертия подать рукой
Фаэтонцам оставалось, но...
Потерялось разума зерно.
На какой-то самый малый миг
Затуманился рассудок их...
Но хватило этого сполна,
Чтоб распалась на куски она,
Славная планета Фаэтон,
Взрывами завесив небосклон.
С той поры орбитами утрат
Группы астероидов летят
В беспризорной, в неуютной мгле...

Не пора ль подумать о Земле?

* * *

Не расточай ни перед кем холопства,
Расшаркиваться глупо и смешно,
Ведь скоро за иллюзией удобства
Раскаянье наступит все равно.

Такая бездна встанет пред тобою —
Хоть волком вой, собакою скули...
Наедине с обобранной душою
Ты сделаешься пасынком земли.

Не грянут очистительные грозы,
Не выйдет солнце, радостно слепя.
И даже те судьбы твоей березы
Жестоко отвернутся от тебя.

Стань ангелом иль, затворившись, злобствуй,
Слюнявя покаянное письмо,
Умри совсем — но на душе холопства
Останется посмертное клеймо.

Сергей САРТАКОВ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Но он не точно рассчитал, немного опоздал, сеанс уже начался. Контролерша, торопливо отрывая кончик билета, хотела объяснить Андрею, где находится его место, но он сказал: «Тетя Зина, я все знаю»,— и шагнул в темноту зрительного зала.

Под недовольное шипение какой-то старушки, которой он нечаянно наступил на ногу, Андрей пробрался в глубину ряда и опустился на разделенную подлокотниками скамью, сквозь полумрак уловив, что на его исконном месте сидит вихрастый подросток, а слева, на десятом, — молодая женщина, от которой приторно пахло духами. Андрей, насколько это оказалось возможным, от нее отвернулся — очень силен был аромат.

Действие фильма сразу его увлекло. Сквозь джунгли Южной Америки, легковооруженный, в одиночку, продирался отчаянный смельчак, целью которого было тайно раздобыть у аборигенов Бразилии для своей заокеанской страны семена каучукового дерева. Все жуткие страсти тропического леса неодолимыми преградами возникали на его пути. Пожары, ураганы, страшной силы грозы, разливы рек. Леопарды, удавы, ядовитые змеи, крокодилы, стаи хищных рыбок пираний. Смерть все время шла с ним рядом. Она уже совсем душила его в тисках болотной лихорадки. А он не сдавался. Он делал свое дело.

Потом в погоню за ним, похитившим заветные семена, кинулись и люди. На великолепных скакунах. С собаками. Умелые стрелки, попадающие пулей в летящую ласточку. Невероятно. Невозможно. И все-таки он, раненный, добрался до морского залива — и вплавь до корабля, ожидающего его на рейде. Сплошная выдумка. И правда. Выдумка — непрерывным нагромождением бьющих по нервам событий. А правда — в характере человека, в его настойчивости, в железной воле. И, если верить титрам, в исторической основе. В самом факте действительно свершенного похищения у бразильцев семян каучуконоса гевеи.

Не отрывая взгляда, Андрей смотрел на экран. И сердце у него временами так и замирало от волнения, от тревоги за жизнь смельчака и за удачный исход его дерзкого предприятия.

Он не мог ему сочувствовать, потому что это была кража, ограбление малого народа более сильной и богатой державой, а он ему сочувствовал, потому что абсолютный запрет на торговлю, на вывоз семян каучуконосного дерева под страхом смертной казни задерживал распространение этой содержащей дивные свойства культуры на других материках. Что было бы с современной Европой, если бы в нее в некие времена не был завезен картофель, а навсегда остался только монополией Южной Америки?

Он уставал от обилия всяческих напастей, обрушивающихся на одного человека, от бесконечных схваток со злыми силами природы, и он сам был готов броситься в эти схватки: манила реальность изображения джунглей. Хотелось скорее, скорее отправиться не в эти чужие джунгли, а в свою родную Ерманчетскую тайгу, о которой с таким страхом рассказывал отец и о которой с такой любовью и нежностью отзывался Мирон. В ней было что искать. Звала обеспокоенная совесть...

В зале вспыхнул свет. Неяркий, от единственной лампы, подвешенной на витом шнуре под самым потолком. Вихрастый подросток вскочил первым, наклонился, что-то ища на полу, и загородил Андрею дорогу. Он повернулся налево и услышал легкий, приглушенный вскрик удивления. А может быть, и досады.

— Андрей?

И он не сразу сообразил, что женщина с приторным запахом духов — Ольга. Так долго просидеть с ней рядом — пусть в темноте и полуотвернувшись — и не почувствовать этого. Теперь и запах духов Андрею показался знакомым. Именно этот запах особенно угнетал, когда Ольга при последней их встрече в библиотеке так безжалостно отхлестала его своими жестокими словами.

— Знакомьтесь,— продолжила Ольга. И в ее мягкой улыбке сквозило так много торжества и ощущения своего превосходства над Андреем, что он невольно закусил губу, а в висках у него тяжело застучала кровь.— Знакомьтесь. Мой муж. Валентин Христофорович. Начальник транспортного управления...

И Андрей словно сквозь туман рассмотрел стоящего за спиной Ольги высокого, плечистого мужчину в отлично сшитом костюме, осторожно трогающего на переносье крупную черную оправу очков. Какого именно транспортного управления он начальник, Андрей не расслышал. Надо было скорее уйти, но вихрастый подросток все еще ползал в проходе. А Ольга между тем, не протягивая Андрею руки, говорила:

— Очень рада.— И улыбка у нее стала еще мягче, нежнее. Быстрым взглядом она окинула гимнастерку Андрея.— А вы? Вернулись в наш город? Работать вновь будете где-то на стройке? Да? Маляром? Плотником?

Она все прибавляла и прибавляла свои короткие вопросы, и ясно было Андрею, Ольга их задает не для себя, а для мужа, начальника транспортного управления...

Вдруг спохватилась:

— А вас-то я и не представила! Валя, это Андрей Путинцев. Мой давний знакомый. Один из самых постоянных и одержимых посетителей читального зала библиотеки.— На губах у нее установилась привычная ласковая улыбка.— Мастер — золотые руки. И, между прочим, умеет весьма недурно рисовать...

Вихрастый подросток наконец нашел свою потерю — пружинку от пистолетной обоймы — и освободил путь. Зрительный зал уже опустел, и тетя Зина издали делала нетерпеливые знаки: ну, а вы-то что же?

Так и не произнеся ни единого слова, Андрей круто повернулся. Он шел, цепляясь каблуками сапог за шероховатости грубо сколоченного пола, и ему все мерещилась мягкоснисходительная улыбка Ольги.

Домой он явился уже на рассвете, где бродил и о чем думал, Андрей не мог бы рассказать. Похоже, так казалось ему самому, что он просто как бы сжимается в комок, готовясь к безотчетному прыжку. Почему? И куда? Не имеет значения. Только — отсюда.

Мать, всю ночь не сомкнувшая глаз, спросила озабоченно:

— Андрюша, милый, что с тобою?— И повела рукой возле груди. Ей припомнилось, как замер сын, обливаясь ледяной водой из колодца.— Плохо с сердцем?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—43.

СВИНЦОВ МОНУМ

— Нет, мама. Прости. Спать не хотелось. Бродил по знакомым местам, вспоминал. Уж очень ночь была хороша!

— Ну и слава богу! Андрюша, как мне стало легко!

А ему подумалось, как матери станет тяжело, когда он ей объявит о своем твердом решении не оставаться в Чаусинске. Ни за что не оставаться.

Мать смотрит на него устало, умиротворенно. А он вдруг опалит ее своими жестокими словами. Ведь для нее они окажутся жестоки и неожиданны. И никакая логика ею не будет принята всерьез. Но что же делать, когда есть силы, превосходящие любую логику. И у матери и у него...

...Нет, нет, ночь просто бесконечна. Как бесконечен и этот дождь. То чуточку ослабевающий, то яростным, тугим ливнем низвергающийся на землю, которая уже не в состоянии впитывать воду. Теперь чудовищно вспухнут все маленькие речки, ручейки. И если Зептукей выйдет из своих берегов, он превратит болотную низину в море. Ах, только бы Даша, заплутавшись в незнакомой тайге, случайно не оказалась там!

Ужасное состояние: ты свободен в выборе действий и в то же время ты связан. Иди, иди! Но куда? Сиди неподвижно и жди. Но чего?

Ты всю жизнь свою стремился избегать «или — или» и хотел видеть перед собою всегда только что-то одно. А не было ли это попыткой создать весы, на коромысле которых была бы укреплена всего одна чаша? Или магнит, у которого возможно отпилить «южный» полюс, сохранив в прежнем своем качестве «северный»? Весы с одной чашей не будут работать, а распиленный пополам магнит тотчас же — каждый его кусок — обретет свои прежние свойства. Бесполезно сопротивляться извечным законам природы и еще хуже — ими пренебрегать. Движение к желанной цели всегда начинается с выбора одного из двух «или».

Итак, выбирай: за эту ночь многое может случиться, что уже невозможно будет поправить. Поэтому иди, шагай во тьме неведомо куда, наугад, или ожидай рассвета с тем, что ты тогда уверенно пойдешь к Зептукею,— там и только там надо искать Дашины следы, но Даши самой уже не найдешь.

Если она забрела в болото, в туман и ручей от проливного дождя бурно начнет разливаться... Зептукей скорее всего разольется уже в первой половине дня. Как мало осталось в запасе времени!

И все-таки приходится ждать. Потому что из всего худшего это пока самое лучшее.

Трудно и рискованно было бродить по тайге одному. Но насколько же было тогда спокойнее и радостнее на душе! Как легко рисковать лишь самим собою и как тяжело чувствовать свое бессилие, когда необходимо помочь другому, а ты не можешь этого сделать.

Но почему, почему так незаметно для всех отделилась Даша во время установки палаток и взяла с собой маленький котелок? Зачем? Что она собиралась... Стой! Не твоя ли мимоходом в вертолете оброненная фраза: «Тут по крутому склону должна быть особенно крупная малина»,— подтолкнула Дашу? Только сейчас в памяти всплыли эти слова. А то, что он, Андрей Путинцев, из всех яств предпочитает именно таежную сладкую малину, знали все. Над этим Зенцовы потешались. Добродушно. А Герман Петрович — с весьма саркастической ухмылкой. Он предпочитал хорошую, крепкую похлебку из боровой дичи, на худой конец из консервированной тушенки. Неужели Даша...

И если это действительно так, шаг за шагом она могла для себя незаметно спуститься... А там великое множество похожих один на другой, раскинутых веером маленьких распадков, густо заполоненных высоким еловым подростом. И каждый из этих распадков так или иначе уведет к Зептукею, к болоту, которому — погляди направо, налево — ни начала, ни конца не видать.

Почему Даша так настойчиво убеждала его поехать вместе с ними? Почему последний раз, когда он с нею разговаривал по телефону — именно по телефону,— отозвавшись ему незримо: «Да-а, Андрей Арсентьевич...»,— вдруг она словно захлебнулась тихой радостью. Все это обостренно вспоминается отчего-то сейчас, когда так жадно хочется услышать ее голос. Увидеть ее.

К нему и теперь из мокрой темной тайги долетает голос Даши. Отчаянный, молящий. Созданный собственным воображением. Только ли? А может быть, еще и большим жизненным опытом. В детстве, бывало, охватит сердце тревога: все куда-то ушли по делам, дома оставили одного, сгущаются сумерки, в углах комнаты ложатся глубокие пугающие тени, непонятно отчего в сенях поскрипывают половицы. Даже дышать тяжело...

И вдруг в ушах зазвенит веселый напев. Исчезнет. И снова повторится. Сильнее, сильнее. А тени в углах станут добрыми, теплом повеет от них. И мягко брякнет щеколда в калитке. Пришли свои. И все хорошо. Где же ты, где сейчас этот веселый напев? Ну, зазвучи, зазвучи! И тогда из мокрого ельника вся сама тоже мокрая, виноватая и счастливая выйдет Даша.

«Да-а, Андрей Арсентьевич... Да-а...»

ЫЙ
ЕНТ

12

Статья в центральной газете была большая, на четыре колонки. Подписана Р. Суздалевым. Одним из самых известных журналистов, выступающих в печати по вопросам изобразительного искусства.

Андрей всегда любил читать его статьи, глубокие по мысли, очень простые по языку и насыщенные дерзкими, неожиданными, но удивительно меткими сравнениями. Теперь, когда статья была целиком посвящена его, художника Путинцева, работам, он просто не мог оторваться от газетного листа. Он чувствовал себя счастливейшим на земле человеком. И не потому, что его похвалил знаменитый критик-искусствовед, хотя и это само по себе было приятным, а потому, что он вдруг со всей отчетливостью понял — его работа людям нужна. Даже та, которую он в годы войны не осмеливался называть иначе, как беглыми набросками.

А если бы удалось осуществить свой генеральный замысел, создать большое полотно как обобщение всех мыслей, теснящихся в сознании?

Правда, над этими прежними набросками, с тем, чтобы превратить их в законченные произведения графики — а вообще-то, законченные ли? — он потрудился более двух лет. И кто знает, хватило ли бы у него сил, если бы не Ирина Седельникова? В этом он обязан признаться.

Нет, он не колебался после того, как дал согласие готовить свою персональную выставку военного рисунка. И если порой руки у него повисали от чисто физической усталости, рябило в глазах, а сделанная работа казалась отвратительной и хотелось тут же ее уничтожить, он мысленно представлял, как разъярится Ирина — ведь каждый совместно ими выбранный для выставки набросок был у нее на контроле.

Она не вторгалась в творческий процесс, не указывала ему, что именно, где и каким образом следует поправить, но она приходила почти каждый день, благоговейно рассматривала готовые — как будто совсем готовые! — рисунки, а потом жестко и прямо говорила, что в этих рисунках ей все же не нравится. Говорила обстоятельно, убедительно, складно, делилась своими впечатлениями так, словно бы читала лекцию перед обширной аудиторией, стремясь покорить ее своим ораторским искусством.

Андрей корчился от ее слов. Злился. Слушал молча, а с языка рвалось: «Кто ты такая, чтобы столь решительно высказывать свои суждения о работе художника? Хочется, так скажи коротко: нравится или не нравится. А блистать своей образованностью и тонким вкусом передо мной нечего. Что сам я могу, то могу. И твое «вдохновение» в меня все равно не вольется». И однажды не выдержал.

«Слушай, Ирина, ты помнишь у Маяковского: «...вот вам, товарищи, мое стило и можете писать сами»? Кажется, так у него?»

Она осеклась.

«Выходит, я здорово переборщила.— И рассмеялась.— А ты, Андрей, деликатный. Позволь, я оглашу твою подспудную мысль? «Баба, не суйся не в свое дело!» Угадала? Я ведь все-е замечаю. А ты попробуй, когда я уйду, все мои соображения, только еще посвирепее, сам себе высказать. И протяни свое «стило» себе. У меня, если принять это «стило», сразу сдаюсь, ничего не получится. А приходить к тебе все равно буду. И говорить, что думаю, тоже буду. От выставки уже невозможно отказаться. Затем я очень люблю твои рисунки, твое мастерство. И наконец, я люблю тебя самого. Последнее можешь толковать как угодно. А жизни легкой я тебе не дам».

Ирина исчезала. Андрей в раздражении метался по комнате, пил холодную воду. Потом садился к столу, припоминая все, что говорила Ирина. Все несовершенства, замеченные ею, полностью обнаруживал в своих рисунках и принимался в бессчетный раз их переделывать.

Седельников посещал Андрея реже. И лишь на несколько минут. День первого секретаря обкома всегда был перегружен сверх предела. Седельников не высказывал никаких замечаний, только восторгался, хвалил и спрашивал: не пора ли назначать точную дату открытия выставки? Организационных забот будет много...

Андрей ему отвечал без тени иронии:

«Назначать дату открытия выставки можно только тогда, когда Ирина скажет — можно».

Постепенно он покорился ее уму и вкусу. Остался, как художник, самим собой, со своим видением мира и с собственной органичной манерой письма, а вот взгляд на все это как бы со стороны он занял у Ирины.

И теперь, перечитывая статью, Андрею хотелось исправить подпись Р. Суздалева на И. Седельникову. Либо — взамен — подставить всюду в статье ее имя там, где говорилось об Андрее Путинцеве. Если бы не Ирина, не было бы законченных рисунков, этой выставки и этой статьи. А главное, сотен и сотен посетителей.

Молва о замечательном, дотоле никому не известном художнике по Светлогорску распространилась быстро. Андрею даже стало неловко самому заходить на выставку. На него оглядывались, просили автографы, высказывали прямо в лицо свои восторги. И похвалы его не трогали, скорее, угнетали. Самой формой своей, возвеличиванием таланта. Велик или мал, талант был его сущностью. И работа была тоже только работой. Он сделал то, что сделать мог. Ничего, что свыше его собственных сил. И даже если бы свыше собственных сил, так что же такого?

Андрею было важно, чтобы не магия имени художника, а его рисунки зачаровывали людей и заставляли их думать и действовать, превращаться как бы в прямых участников событий. Что ему в том, если будут говорить: «Ах, как сильно написано! Какой это мастер!» Должны говорить: «Узнаю, все было именно так». «Посмотри: наверно, у солдата из всей семьи никого не осталось в живых». «Эх, в руки бы мне сейчас автомат, полоснуть по этим вешателям». «А ребенок играет. Чей он?» Вот тогда, если так, для него имеет смысл сделанная им работа. И выставка. Не его личной славы выставка, а его мыслей, обращенных к людям и запечатленных в художественных образах. С людьми немой разговор.

Однажды Андрей попытался все это объяснить Ирине. Она выслушала рассеянно, вглядываясь в рисунок, который Андрей по ее замечанию исправлял уже несколько раз.

«Если бы я не знала тебя достаточно хорошо,— отозвалась Ирина,— я бы сейчас назвала тебя ханжой. Болтуном — в лучшем случае. Ему, видите ли, не нужна личная слава. Будто бы истинная, заслуженная слава может существовать сама по себе. Если ты отрицаешь славу, отрицай тогда и собственный талант. А тогда все, что ты нарисовал,— попросту бездарная мазня!»

«Ирина, ты меня не поняла. Мне хотелось сказать, что я не ищу и не стремлюсь к славе...»

«А славу великие мастера никогда и не ищут. Она к ним приходит сама. Ты же слишком рано заговорил о славе. Ты отказываешься от того, чего у тебя еще нет. И может быть, вообще не будет. Истинная слава к художнику приходит не в первый день его первой выставки, а сто лет спустя после его смерти. Извини, что сказала так грубо. Но это для выразительности».

«Ирина! Ну зачем ты перевернула все с ног на голову? Ведь ты же понимаешь...»

«Только что ты утверждал, что я тебя не поняла!»

«Ирина, ты умная...»

«Спасибо! И ты, Андрей, не безнадежная тупица. Иначе разве стала бы я пропадать целыми днями возле тебя и твоей работы! Талантливой, очень талантливой. Достойной большого признания. Славы. Вот тут я себе противоречу, но только потому, что в наше время начальный успех уже стало принятым называть славой. Так вот, вернусь от тебя домой, у меня с Алексеем только и разговоров, что о выставке. И если бы ты мне рот не зажимал, всех друзей своих тоже заговорила бы. Почему? Потому что я умная — тут я с тобой согласна. При дураке художнике обязательно должна быть умная женщина. И добрая. Тебя я изгрызла своими замечаниями. А во имя чего? Твоего успеха, а если это больше нравится, так славы! Вот этот рисунок,— она подала Андрею,— ведь правда хорош, очень хорош? Ты его пять раз переделывал. А посмотри: вражеский танк навис над окопом, рушится под его гусеницами земля, струится и засыпает людей, ближнего к танку уже скрыла до пояса... Сколько секунд для этого нужно?»

«Не секунд — мгновений. А мгновениям я счета не знаю».

«Тем лучше, мгновений. А сколько мгновений нужно солдату, чтобы успеть швырнуть гранату под танк? Почему же она еще в руке у него?»

«Так он же сейчас как раз ее бросит! Ты вглядись в движение его руки».

«А ты вглядись в выражение его лица. Оно не совпадает с движением руки. Движение отстало».

«Ты этого раньше не говорила,— Андрей в замешательстве вертел рисунок, убеждаясь, что Ирина совершенно права. Он и сам давно уже чувствовал в композиции какую-то неладность, а уловить ее не мог.— Пять раз я переделывал совсем другое».

«Значит, в шестой раз переделаешь это. И проклинай меня, что пять раз ты занимался пустяками».

Наступило молчание. Андрей знал, что переделает, если надо, и в десятый и в сотый раз. Но почему последнее слово опять оказывается за нею? Как могло получиться, что, пять раз внося в рисунок поправки, мелкие, несущественные, он, художник, не заметил главного? Да не замечала и сама Ирина, а все же кое-что ее беспокоило, опять и опять она откладывала хороший рисунок в сторону и вот теперь заметила. Конечно, можно спорить, что выражение лица с движением руки не обязательно соединимо. Момент испуга, момент прилива ярости и чисто физический толчок крупных комьев земли под колена слились, смешались, а рука... Нет, что же тут спорить? Теперь-то все ясно. Только трудно произнести:

«У тебя очень зоркий глаз, Ирина».

Она вздохнула. И непонятно, то ли притворно, то ли искренне.

«Ты помнишь, Андрей, в день твоего приезда Алеша сказал, что тебе не хватает хорошей жены, такой, как я. И я взялась хорошей женой тебя обеспечить. Теперь вижу, нет, мне такой не найти, во всяком случае, в Светлогорске. Остается только мне самой развестись с Алексеем и выйти за тебя замуж. Иначе ты пропадешь. Твой талант. И твоя будущая слава».

«Не пропаду»,— сказал Андрей.

А сам подумал: в словах Ирины есть та правда, что действительно никто другой в такой степени не сумел бы ему помочь. Только она. Но продолжать разговор в ключе Ирины невозможно. Вот так, вдвоем, с глазу на глаз. Пусть даже в шутку. Возникает какое-то ощущение особой их связанности, доверительного отношения, словно бы они в каком-то заговоре между собой.

Ирина снова вздохнула.

«Конечно, ты не пропадешь в твоем собственном понимании этого слова. У тебя найдется достаточно мужества, чтобы набивать старые чемоданы своими новыми рисунками и потом где-нибудь в Чаусинске забрасывать их на чердак. Если он настолько просторен и сможет вместить все, что тобою будет сделано. А ты не лентяй, за долгую жизнь ты еще очень много нарисуешь. И кистью напишешь. Ты попомни: работа масляными красками у тебя еще вся впереди, от нее ты никуда не уйдешь. А живописные полотна, они крупнее рисунков и на чердаке требуют очень много места».

«Почему на чердаке?» — сбитый с толку проговорил Андрей.

«Потому что твою работу нужно тщательно скрывать от глаз человеческих,— разъяснила Ирина.— Иначе к тебе неизбежно придет слава — личная слава! — которой ты так боишься. Заметь, я допускаю, что ты не ханжа, не притворщик и действительно слава там не слава, а известность, признание обществом твоего таланта тебя не волнует. Так ведь в этом случае все равно лично мне надо будет что-то предпринимать!»

Она явно забавлялась, потешалась над Андреем, хмуро поглядывающим в сторону. Но это было не злым издевательством, не тонкими шпилечками в бок с желанием ему досадить и вызвать бурную реакцию, а если и вызвать — так только с тем, чтобы несколько выпустить пар и тогда поговорить совершенно серьезно.

Андрей это угадывал. И мог бы взорваться, не рискуя испортить добрые отношения с Ириной. Она все равно не отступит. И как обещала: «легкой жизни не даст». Тогда что же попусту с нею спорить? Этот спор надо продолжить самому с собой.

А Ирина между тем, выдерживая свой добродушно-озабоченный тон, продолжала:

«Поскольку по техническим причинам выйти за тебя замуж я не могу и надежной другой кандидатуры нет — что остается? Тащить тебя всю жизнь за собой, как бычка на веревочке, вызывая дикую ревность Алексея и зарабатывая себе аморалку. Искусство, конечно, требует жертв. И я на любые жертвы готова. Но ты ведь этого не оценишь. Тебе вот и слава совсем не нужна, и женская любовь тоже — я давно подметила это, — а мне бы хоть чуточку славы, ну, а любви и побольше, не отказалась бы. Д-да, вошли мы с тобой, Андрей, в тупичок. Есть, правда, кроме беззаветной женской любви и жертвенности во имя искусства и дорогого сердцу человека, еще и меркантильный женский расчет. Это когда женщина из таланта мужа выковывает славу, нужную ему или не нужную, себе же приятную, интересную жизнь. А мужу — духовное одиночество, окончательный ход в мир своих художественных образов и, бывает, раньше времени и в мир иной. Ан-дрюша, такие, как ты, ненавистники женщин чаще всего обзаводятся женами, для которых любовь...»

Андрей ее остановил.

«Знаешь, Ирина, ты лектор очень хороший, и твои лекции на тему семьи и нравственности имеют огромный успех. Но здесь не та аудитория. Слушатели встают и уходят, — он поднялся. — Как видишь, даже из собственной квартиры».

«Это меня не касается, — сказала Ирина. — Только не забудь ключи взять с собой. Мне одной тут долго делать нечего. Оставаться до твоего возвращения я не стану. Тем более что меня дома ждет хороший муж, хорошие дочери и вполне понимающая аудитория. И я, следуя твоему любезному приглашению выйти вон, сделала бы это немедленно, опередив тебя, но в затяжном споре с тобой я не успела просмотреть остальные, неисправленные рисунки. Тебе это, может быть, и все равно, а для меня это дело чести. И этакое психологическое состояние, — жестикулируя пальцами, она словно бы вылепила в воздухе фигуру женщины. Зажмурилась. — Жены, приносящей себя в жертву любимому человеку. Прекрасное состояние!»

«Ирина, — сердито сказал Андрей, — помню, Алексей сожалел, что ты не поешь в оперном театре. Ему надо было жалеть, что ты не выступаешь в цирке, у ковра».

«Идея заслуживает внимания. Но мне почему-то интереснее вытягивать в большое искусство таких дураков, как ты».

В «большое искусство» — слова, которые когда-то говорил и Яниш. Всерьез сердиться на Ирину Андрей не мог. Он сказал примирительно:

«Прости, Ирина».

«Прощаю, Андрюша, — еще тише, чем он, сказала она. И громче: — А славу я тебе все равно сделаю».

Теперь, перечитывая статью Р. Суздалева, Андрей знал: эту славу в печати ему сделала Ирина. Ей одной ведомо, каким образом она сумела залучить в Светлогорск на выставку никому еще не известного художника такого знаменитого искусствоведа. Конечно, нет и речи о том, что в размышлениях Суздалева заметна некоторая доля чьих-то подсказок, его авторитет всегда высок именно потому, что Суздалев очень оригинален и самостоятелен в своих суждениях. Но до чего же они совпадают с оценками Ирины! Спасибо, спасибо ей, что «легкой жизни» она ему не давала.

Андрей опять и опять вглядывался в печатные строчки. Ведь это же его личная слава. Может быть, она и угаснет вскоре, прежде, чем успеет пожелтеть газетный лист. А может быть, станет началом долгой и громкой известности. Все в нем. Все от него зависит. И вдруг особо остро ощутил — и от Ирины. Он думал, что привык надежно советоваться только с собственной совестью. А ведь на деле, оказывается, он привык в не меньшей степени и к советам Ирины. Его глаз точен, зрительная память превосходна, рука послушна, он забывает обо всем на свете, когда углубляется в работу. А между тем... Между тем себя он неосознанно все время проверяет звучащим словно бы в самых глубинах его души голосом Ирины.

И он не знал, радоваться ему или пугаться этого.

Позвонили из областного отделения Союза художников. Поздравили с превосходной статьей о нем и сказали, что его заявление о приеме в Союз только что рассмотрено на общем собрании, — такого единодушного голосования давненько не было.

Приносят душевные, теплые телеграммы совсем от незнакомых людей. Значит, он действительно художник. Все, что ему хотелось выразить в своих рисунках, все это понято и вызвало искреннее волнение в сердцах человеческих. Он счастлив. Еще раз переспросил себя, свою совесть: чем все-таки? Помедлив немного, ответил: работой, признанной людьми и нужной людям.

Но тут же далекий голос Ирины зазвучал у него в ушах: а этой газетной статьей? Что, она тебе действительно совсем не нужна, что это — обыкновенный лист бумаги?

И голосу Ирины теперь Андрей не смог сопротивляться.

13

По замыслу устроителей выставка должна была продолжаться две-три недели. Но вот пошел и второй месяц, а интерес общественный к ней не ослабевал. Люди приходили и в одиночку и группами с сопровождающим их лектором от областного отделения Союза художников. Собственными знатоками живописи и графики Дворец культуры железнодорожников не располагал. Несколько раз администрация Дворца обращалась к Андрею с просьбой самому выступить на выставке. Андрей только испуганно мотал головой. Что он может рассказать о своих картинах, рисунках, когда на них надо просто смотреть. И понимать их. Или не понимать. Добавить что-то разъясняющее словами к сделанному пером или кистью значило признаться, что работу свою он не довел до конца, а показывает.

С тех пор, как на выставке стали систематически появляться лекторы, Андрей перестал ходить туда. Одно дело молча и в одиночестве перечитывать похвальную статью Р. Суздалева с газетного листа, другое дело — багровому от стыда стоять среди публики и вместе с нею внимать превосходным оценкам, которыми тебя наделяют. И съеживаться непроизвольно, когда на тебя оглядываются, подходят к тебе, пожимают руки и выпрашивают автографы. Такая слава ему не нужна. Такая слава угнетает хуже злой брани.

Ирина сделала ему выговор:

— Чудак, почему ты отказываешься? Ведь это же была моя подготовка. Один из необходимых элементов закрепления известности твоего художнического имени. Заметь, мыльные пузыри надувать не стала бы. Чего ты стóишь — то стóишь. И не порть хотя бы того, что в интересах истины делают другие.

— Ирина, поверь, мне тяжело. Не по характеру.

— А мне ох как легко! — воскликнула она с обычной мягкой своей ядовитинкой. — До того легко, будто я в счастливом сне все это делаю. Просыпаться неохота. Да только ты со своим поганым характером хорошей заботливой женщине разве дашь спокойно поспать?

— «Поганым» — это уж чересчур!

— Исправляю: «неукладистым». Тебе это больше нравится?

Андрей онемел на мгновение. Выдавил с трудом:

— Ты всегда права, Ирина. Но я преодолеть себя не могу.

Она усмехнулась.

— И не надо. Не преодолевай. Говорю вполне серьезно. Пускай сама Иришка думает. Взялась «из болота тащить бегемота», ну и тащи.

И прочитала афишную, но бесплатную лекцию «О творчестве художника А. Путинцева» в большом зале Дома политического просвещения. Прочитала, как всегда, с ораторским блеском и постаралась, чтобы зал был заполнен до отказа.

Уже в самом начале своей лекции Ирина заявила, что не берется делать профессиональный разбор мастерства художника, что это не по ее силам, да, собственно, статья известного искусствоведа в газете и непроходящий интерес общественности к выставке освобождают ее от дилетантского вторжения в творческую лабораторию Путинцева; цель ее лекции — вместе со слушателями как бы пройтись по тем военным дорогам, которые прошла вся страна, заново прочувствовать их в своем сердце, так, как прочувствовал художник, работая над картинами.

И потом в течение полутора часов она словесно воссоздавала наиболее яркие из работ Андрея. Говорила не заученными, заранее приготовленными фразами, а тут же импровизируя, точно волшебник-иллюзионист, целиком подчиняя себе аудиторию нарисованным ею реалистическим зрелищем. И когда, совсем усталая, она произнесла заключительные слова: «Все это для народа постепенно становится историей. Трагической и величественной. Победной историей. Долго скорбью и бессмертной славой. А для художника, для Путинцева, — его с е г о д н я ш н и м и бесконечным повседневным трудом. Я повторяю: трудом. Самозабвенным, честным. И долгом гражданина. А что могу сказать я и сейчас о мастерстве его? Вы это мастерство только что увидели, восстановили в своей памяти вновь. Вот и судите сами», — зал ответил коротким молчанием, а затем обрушился аплодисментами. Ей, лектору, с трибуны счастливо обводящей взглядом всех собравшихся. И ему, художнику, в этот час в своей мастерской раздраженно и одиноко кидающему в мусорную корзину неудавшиеся этюды. Из числа тех, что Ирина забраковала для выставки.

Андрею позвонили из областного отделения художников, поздравили с успехом лекции. Он коротко и сухо ответил: «Спасибо». И повесил трубку. Готовя свою лекцию, Ирина с ним не посоветовалась. И не прислала даже пригласительный билет. Афиши он увидел наклеенными на заборах только накануне лекции. Ему хотелось их сорвать. Как можно столь беззастенчиво распоряжаться его именем? Он ждал: Ирина придет и сама все объяснит. Но Ирина не приходила.

Тогда он стал искать ее по телефону. Сперва служебному, в лекционном бюро, потом, глубоким вечером, позвонил и на квартиру. Отозвался Седельников.

— Тебе Иришу? — спросил он сразу, как само собой разумеющееся. — Понимаю. Но она сейчас в бегах. По делам домашним. Кажется, я с тобой не поздоровался? Добрый вечер. И поздравляю. Все только о тебе и говорят, а, между прочим, Ирина так построила свою лекцию, что тебя, по существу, и не называла вовсе. Два слова в начале и два слова в самом конце. Никаких личных тебе восхвалений, только честная дань тому, что тобой сделано. Молодец у меня Иришка! Что передать ей?

— Мою благодарность, — запнувшись, проговорил Андрей. Он не ожидал такого поворота в разговоре. — Но я хотел бы это ей сказать и лично.

— Да, понимаю, понимаю, — повторил Седельников. — Ириша и сама тебя хотела видеть. Между прочим, на случай ты позвонишь, просила напомнить, что приглашает на субботу. В восемь вечера. Знаешь, я тоже по тебе соскучился. Приходи обязательно.

И Андрей не смог отказаться. Не нашлось нужных слов. Хотя поговорить с Ириной ему было очень нужно и, конечно, лучше было бы это сделать без Седельникова. При нем все обернется шуткой. И еще. Андрей недоумевал: почему Ирина просила «напомнить»? Она его не приглашала. Ни на субботу, ни на какой-либо другой день недели. Выходит, очередная штучка: что захочу, то и сделаю?

Продолжение следует.

ТЕМПЫ БИМШОНА

3 ноября исполняется вторая годовщина Договора о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. Его подписание подняло на новую ступень советско-вьетнамские отношения, стало выражением подлинного товарищества, объединяющего социалистические страны.

Невысокие холмы, поросшие мелким лесом, встали на горизонте. Издали они напомнили мне уснувших верблюдов: казалось, вот сейчас проснутся и тронутся караваном в привычный свой путь. Но я уже знал, что верблюдов во Вьетнаме нет, а эти холмы под Бимшоном знамениты другим — поистине неиссякаемыми запасами сырья для производства цемента. Потому здесь и решено было строить большой цементный завод.

Еще два года назад мало кто знал о Бимшоне, теперь за ним следит вся страна. Мирный Вьетнам превратился в огромную строительную площадку. Везде нужен цемент — сотни тысяч, миллионы тонн. Страна залечивает раны, нанесенные агрессорами. Например, паровозостроительный завод Жалам трижды разрушался американской авиацией и трижды восстанавливался. Двадцать пять лет вьетнамцы экономили средства, чтобы построить в Лаокае, где находится месторождение апатитов, мощное предприятие по производству фосфорных удобрений. Китайские агрессоры превратили его в руины и металлолом, увезли в Китай все оборудование и машины...

За ходом дел в Бимшоне заинтересованно следим и мы, советские люди. Цементный завод — стройка вьетнамо-советской дружбы.

...Дорога то поднимала нас, то опускала, прыгая по холмам. Когда навстречу стали чаще попадаться ЗИЛы, я понял, что Бимшон близко. Вот впереди возникла дымовая труба стометровой высоты, и мы въехали на стройплощадку, поражавшую воображение своими размерами. Вскоре начальник строительства Нгуен Дык и руководитель группы советских специалистов Михаил Владимирович Мороз вводили меня в курс дела.

— Вот она, первая наша печечка! — восклицал темпераментный Мороз, указывая на циклопических размеров трубу, с легким наклоном уложенную на мощные опоры. Я пытался охватить всю ее взглядом — не удавалось: длиной «печечка» была под двести метров.— Скоро мы ее запустим, ждать осталось недолго...

— Недолго, недолго, — соглашался с Морозом спокойный и вежливый Нгуен Дык, — и тогда страна получит шестьсот тысяч тонн цемента в год. С пуском второй печи мощность завода возрастет, естественно, вдвое. Это произойдет уже в следующем году.

Меня поразила скорость строительства. Началось оно только в 1978 году, а спустя неполных три года завод должен уже выйти на проектную мощность.

— Нам надо торопиться, — пояснил Нгуен Дык, — ведь завод — один из крупнейших объектов пятилетнего плана, принятого IV съездом Коммунистической партии Вьетнама в 1976 году.

— Нормальные темпы, — улыбнулся Мороз.

У многих я спрашивал, что означает в переводе Бимшон.

— Бимшон — и все, — отвечали мне, — просто Бимшон...

Я ходил по стройке и то тут, то там слышал русскую речь. Инженер-монтажник Василий Айдаров из Тольятти спорил о чем-то с инженером Зыонг Ван Намом. Геодезист Георгий Богатиков делился опытом со своим коллегой Суан Тхуаном. Бригадир огнеупорщиков Аркадий Бондаренко показывал приемы кладки группе вьетнамских рабочих. Я чувствовал горячий и живой пульс стройки и вдруг понял, почему так стремителен ее разбег. Понял, как нужно перевести это слово: «Бимшон» — «Дружба». Да, Бимшон — просто дружба. Но что, скажите, сильнее ее?

Ю. ЛУШИН

Ханой — Москва.

ЭНЕРГИЯ В БРИКЕТЕ

А. К. ХАЛУГА,
кандидат технических наук, лауреат Государственных премий СССР и ЭССР

Каждому из нас случалось видеть, как летят на ветер, бессмысленно теряются уголь, торф, сланец при перевозке россыпью в открытых вагонах или грузовиках. Как гибнет лес на сплавах, как теряют свою силу эти ценнейшие виды энергоресурсов в процессе «хранения» под открытым небом. Между тем давно существует такой способ перевозки и хранения различных видов топлива, как брикет.

Люди давно заметили, что брикеты удобны и для хранения и для перевозок. Испокон века в степных безлесных районах шли и по сей час идут на кизяк самодельные брикеты сформованного и высушенного на солнце навоза. В Донбассе задолго до промышленного брикетирования собирали угольную мелочь и пыль, смешивали с небольшим количеством мокрой глины и формовали черную вязкую смесь вручную, сушили. Жарко горели эти «лепухи» — так называли в народе самодельные брикеты. Именно в России впервые в мире было разработано и испытано промышленное брикетирование. В начале прошлого столетия русский изобретатель А. П. Вешняков предложил делать брикеты из отходов древесного и каменного угля и назвал их карболеином. Карболеин с успехом использовался для сжигания в топках паровозов и пароходов. Известно, что он был испытан в 1841 году в Петербурге, в Артиллерийской школе, в присутствии представителей иностранных торговых фирм.

В 1850 году в Германии Карл Экстер изобрел пресс с открытой матрицей для брикетирования торфа. Этот пресс стал применяться для брикетирования угля и других сыпучих материалов. Ныне в ГДР за год производят шестьдесят миллионов тонн буроугольного брикета. Возвращаясь к истории брикетирования в России, хочу напомнить, что наша первая углебрикетная фабрика была построена в 1870 году. А с 1872 года под Москвой уголь брикетировали уже без применения связующих веществ. После Великой Октябрьской революции начались научные исследования, появились новые брикетные фабрики и заводы. Острая нужда в топливе подстегнула после войны развитие торфо-брикетной промышленности. Торф можно было добывать с наименьшими затратами. Фрезерный способ добычи позволил улучшить процесс сушки и брикетирования.

После демобилизации в 1946 году из Советской Армии я был назначен директором торфобрикетного предприятия в Тоотси Эстонской ССР. Там подобрался хороший коллектив инженеров и механиков. С помощью ученых мы научились конструировать новые торфодобывающие машины. В первые послевоенные годы в результате новых методов добычи в Тоотси мы стали получать брикетов в полтора раза больше. Себестоимость их снизилась в два с половиной раза. Торфобрикет Тоотси стал самым дешевым и удобным топливом в ЭССР. Строительство торфобрикетных заводов развернулось тогда по всей стране, с тех пор у нас создано уже больше тридцати таких заводов, самый крупный — в Кохтла-Ярве с мощностью до двухсот пятидесяти тысяч тонн брикета в год. Оборудование для этих заводов поступает из ГДР.

Топливные брикеты прочно вошли в быт городов и сел Прибалтики, Белоруссии, Украины. Там, где существует торфобрикетная промышленность, зеленеют, остаются нетронутыми леса. Менее шестидесяти тонн торфобрикетов сохраняют гектар леса. Многолетний опыт показывает, что применение топливных брикетов — важная и эффективная технико-экономическая мера.

Однако теперешний уровень этой отрасли промышленности далек от ее возможностей. А с брикетированием угля дело обстоит просто из рук вон плохо.

Себестоимость торфяных и буроугольных брикетов не превышает семнадцати рублей за тонну. Это в несколько раз дешевле перевозки угля на расстояние тысячи километров хотя бы уже потому, что в угле много балласта, который в процессе брикетирования отбрасывается. Например, канско-ачинский уголь: он имеет довольно высокую влажность—более пятисот килограммов в тонне. К тому же на тонну приходится сорок пять килограммов золы. Поэтому вес балласта составляет около шестидесяти процентов. Потери угля в пути составляют от семи до десяти процентов. Выходит, что бесполезные перевозки подчас составляют свыше шестидесяти пяти процентов от общего количества груза!

Выход из этих непроизводительных трат пока один — обогащение и брикетирование угля. При брикетировании из каждой тонны испаряется до трехсот шестидесяти килограммов влаги. Потери брикетов не превысят в пути одного-двух процентов. Следовательно, если для перевозки одного миллиона тонн натурального канско-ачинского угля сейчас требуется двадцать тысяч вагонов, то для перевозки брикетов из такого угля понадобится менее тринадцати тысяч вагонов. Экономия от перевозки брикетов в короткое время с избытком покроет все затраты на строительство дополнительных брикетных фабрик. Снизится нагрузка на железнодорожный транспорт. Уменьшится загрязнение окружающей среды.

Разумеется, на первых порах необходимость брикетировать уголь вызовет трудности. Хотя бы потому, что подготовка специалистов по брикетированию угля прекращена много лет назад. Это ошибка. Она уже нанесла большой материальный ущерб стране. Раньше инженеров и научных работников по брикетированию угля готовил Московский горный институт, там была соответствующая кафедра.

В заключение хочу сказать, что брикетировать можно и солому. А ведь ее на полях столько же, сколько и зерна — в хороший год не менее двухсот миллионов тонн. Солома используется иногда как корм, но она может служить топливом: брикеты из нее с успехом заменяют твердое топливо. После брикетирования объемный вес соломы увеличивается почти в десять раз, а теплота сгорания брикетов превышает три с половиной тысячи килокалорий, почти достигая теплоты сгорания бурого угля. Но главное, солома «растет» ежегодно!

Брикетировать можно все или почти все. Стебли подсолнечника, кукурузы, хлопчатника, рисовой и подсолнуховой лузги, ореховой скорлупы... Можно брикетировать кору, на лесоразработках — щепки, стружки, опилки и огромное количество понапрасну истлевающей хвои. Отходов много. В виде брикетов они дадут нам не только экономию, но и помогут сберечь живые леса и запасы угля.

А. Суворова. Род. 1925. ПОРТРЕТ ИРИНЫ [illegible]

Р. Гевондян. Род. 1942. ЛУЧНИЦЫ. 1979.

[illegible]

У ВИШНЕВОГО ОМУТА

ПО СТРАНИЦАМ КНИГ МИХАИЛА АЛЕКСЕЕВА

Маргарита **ЛОМУНОВА**

В степном среднем Заволжье село Монастырское — одно из красивых. Речка Баланда долго бродит по его спокойным лугам перед трудной дорогой к Медведице. Есть озерца с прохладной родниковой водой. Рядом лес: зверь водится, птица.

Приезжему человеку странным покажется местный говор: в средневолжском селе вдруг сочное северное оканье. Отъедешь 8—10 километров — и нет его, пропало. Откуда такое?

Люди постарше охотно расскажут историю Монастырского и начнут примерно так: «Под барщину мы, считай, и не попали...»

Островком лежало село среди барских угодий. То время осталось в названиях ближних деревень: Салтыково, Шереметьево, Чаадаевка... Сам же островок принадлежал подмосковному монастырю. До Саратова по бездорожью полторы сотни верст, до московского «владыки» — вся тысяча. Селили здесь послушников с Вологодщины и Владимирщины. С годами те откупались, обзаводились хозяйством. Прослышав о вольной сторонке, бежали сюда крепостные из тех же северных губерний. Так попало на Среднюю Волгу круглое северное «о».

У самого въезда в село — пруд в камышовых зарослях. Тесно ветлам на берегу, в самую воду лезут, и от этого пруд кажется еще черней.

Это Вишневый омут. Сколько страшных легенд и поверий связано с «гиблым местом». И в погожий день — мрачный, стылый. Видно, не хочет терять славу, хоть и недобрая она. То, рассказывают, лошадь с упряжью засосало. То два телка утонули...

Таким и вошел он в роман Михаила Алексеева. Вспомните начало «Вишневого омута».

«Омут кругл, глубок и мрачен. Никогда не меняет он своего угрюмого цвета. Светлые, золотистые воды Игрицы, впадая в него, мгновенно темнеют, становятся густо-красными, а вырвавшись на волю, тотчас же обретают прежнюю прозрачность».

Каждый, побывавший в Монастырском, без сомнения, узнает его в описании Савкина затона, где развертываются события романа «Вишневый омут».

И в романе «Ивушка неплакучая», в повести «Хлеб — имя существительное» мы узнаем родные писателю места. Завидово, Выселки — то же Монастырское, а речка Баланда гуляет уже под своим именем по страницам «Ивушки неплакучей».

Пройдитесь по улицам Монастырского. Здесь вы встретите людей, чьи судьбы перекликаются с персонажами книг писателя.

«У каждого литератора,— говорит М. Н. Алексеев,— помимо той огромной земли, которая зовется Родиной, должен быть какой-то один уголок, особенно дорогой и милый сердцу. Уголок этот — внутреннее зрение, каковым литератор смотрит на большой мир. Мы в малом нередко видим огромное. Надо еще иметь в виду и другое: в селе, где ты родился, где, стало быть, знают тебя с малых лет, относительно тебя не существует табели о рангах. Для односельчан ты остаешься Петькой, Мишкой, Алешкой, и перед этим самым Петькой они не станут разыгрывать комедию, не укроют ни своих радостей, ни своих печалей».

Радости и печали деревенской жизни писатель сам пережил, прочувствовал. Пережитое откладывалось в душе, чтобы через многие годы ожить в книгах... Что ж, «о чем не поплакал — про то не споешь». Эти строки из эпиграфа к «Вишневому омуту» можно отнести ко всему творчеству Михаила Алексеева.

Причастность к жизни русского села дала возможность написать роман с «взглядом в историю русской деревни», как сам художник определил свою вещь. Развернуть эту историю на протяжении почти ста лет.

Писатель не скрывает теневых сторон прежнего крестьянского уклада, но мы видим и другое: горемычная жизнь не ожесточила народного сердца. Разве не о щедрости его свидетельствует освященная столетними традициями крестьянская «помочь»? Занемог хлебопашец, сохнет необихоженная земля — несколько человек соберутся, вспашут, засеют поле. Или вот в романе показано, как сообща, селом, кроют дом Николая Харламова. Настроение праздничное, и мужикам и бабам дело есть. Работа спорится, быстро управились. Не из корысти ведь трудятся. Вся-то плата — нехитрое угощение.

Михаил Алексеев свидетельствует, что главного героя в «Вишневом омуте» Михаила Аверьяновича Харламова он почти в точности списывал с деда своего Ми[illegible]

«Кое-кто из монастырских его помнит. Крепкий был. Силы непомерной и доброты такой же. Ребят любил. Ходил в холщовых портах, разутый до поздней осени. Лето жил в саду. Там шалаш поставил. Тянулся сад от Вишневого омута до его дома, много радости приносил людям».

Старики из Монастырского рассказывали мне, как дед Михаила Николаевича, бывало, на долгие часы уходил с ребятишками в лес. Гурьба целая набиралась. Те, что постарше, зыбочных несли. Дед каждую птичку знал в лесу, объяснял детишкам, показывал.

Не в тех ли памятных днях берет начало радость познания родной земли, вылившаяся потом на страницы «Вишневого омута».

«...Один из первых моих редакторов, — вспоминает писатель, — долго допытывался, откуда взялся, откуда пробился, проклюнулся, из какого источника взял свое начало литературный ручеек в моей жизни, должен же быть где-то родник, давший первое, пускай робкое, но все же теплое дыхание живой строке? Может быть, тяга к образному мышлению передалась по наследству от родителей, от деда, прадеда, бабушки, прабабушки? Увы, на этот вопрос придется и тут отвечать отрицательно: все мои предки занимались одним-единственным делом на этой земле — пахали ее и сеяли на ней хлеб; в общем-то, да, имели дело с высокопоэтической областью, да только вряд ли догадывались о том.

Догадка эта пришла лишь ко мне, к одному из многочисленных из нас, выросших из единого корня, и то не вдруг, не сразу, а прорастала постепенно, в течение многих лет, пока я не понял, что истинная поэзия живет рука об руку с делом человека».

Поэзия земледельческого труда, труда-творчества неотделима от извечного крестьянского дела алексеевских персонажей. И они понимают, что это их будничное, хлеборобное дело — наиважнейшее: страну кормят.

«Что может быть важнее хлеба,— рассуждает дед Капля, один из героев повести «Хлеб — имя существительное»,—...все мы существуем, поскольку едим хлеб насущный! Хлеб — имя существительное, а весь остальной продукт — прилагательное».

В этой повести писатель вывел целую галерею жителей одного лишь села, дал серию крестьянских портретов, без которых, как сам он говорит, село «утратило бы свою физиономию, свой характер, больше того — свою душу». Село это — Выселки, обычное в ряду других русских селений. Многое повидало на своем веку, не баловано жизнью, в свое время счет потеряло председателям, были годы, когда трудодень почти нулю равнялся... Главное богатство его — в людях. Это тот же дед Капля — Кузьма Никифорович Удальцов. В гражданскую войну за Советскую власть воевал. Стар, но на пенсию не уходит — в колхозе людей не хватает, обеспокоен будущим деревни.

Это и Акимушка Акимов, герой новеллы «Вечный депутат» из той же повести...

В селе Монастырском на одной из изб — красная табличка: «Здесь живет почетный колхозник Алексей Иванович Климов». С него-то и писал Михаил Николаевич Акимушку Акимова.

Вот как рассказано о нем в повести:

«Вздумай кто-нибудь сейчас поднять селянский архив и полюбопытствовать, кто первым подал заявление в колхоз, то этим первым оказался бы Акимушка Акимов. Он будто бы только и ждал этого часа: написал заявление задолго до общего собрания, отнес его уполномоченному райкома и тут же предложил свои услуги в качестве агитатора, хотя прежде ему не доводилось произнести перед обществом и пяти слов...»

Алексей Иванович Климов — тоже кузнец, человек в селе уважаемый.

«Читали мы книги Михаил Николаича. Взял жизнь. Лишнего ничего не взял»,— говорил он мне. Климов одним из первых записался в колхоз. Число на всю жизнь запомнил: 30 сентября 1929 года. «С того дня все колхозные железки мои». Как и герой Алексеева, всегда чувствовал себя в ответе за колхоз, за дела его. Такие люди в любом селе отыщутся. Скромно проживут жизнь, и жизнь эта — зачастую неустроенная — вся отдана людям.

Здесь, в Монастырском, живет, без сомнения, и Марфушка-Журавушка. Разве что признать трудно, которая. Тот же характер сильный, душа чистая у многих женщин села.

Разные, не схожие меж собой люди населяют Выселки. Каждый на свой лад. Разные они и в Монастырском. Приволжское село — это и есть то внутреннее зрение, которым писатель смотрит на мир.

«Есть в нашем лексиконе,— писал как-то Михаил Алексеев,— два слова, ближе, пожалуй, всех иных стоящие друг к другу: «земля» и «хлеб»...

В самом деле, в семье, в государстве, в целом ли мире, коли есть на столе хлеб, другое как-то легче прикладывается. Хлеб, как известно, может с успехом соперничать с золотым запасом, по которому принято определять, сколь богата или бедна страна, сколь велик ее удельный вес среди других государств. Хлеб — он солдат в дни войны; он искусный пропагандист, политик и дипломат — в дни мира. Не потому ли, кроме всех прочих войн, больших и малых, долгих и коротких, локальных и мировых... есть еще одна война или, точнее сказать, битва, которую люди ведут постоянно, из века в век, ведут тысячелетиями,— это битва за хлеб, ибо она означает в конечном счете битву за жизнь на земле».

Герои Михаила Алексеева — простые работящие люди, те, кто «в добром сотрудничестве с всемогущей природой создают для всех нас земные блага», на ком стояла и стоять будет земля. О чем бы ни писал он — о Сталинградской битве, о русском ли поле,— речь пойдет об этих людях. Как же иначе? Они воевали рядом с ним...

— Если сил хватит,— рассказывал писатель в беседе с автором этих строк,— есть на всю жизнь одна работа. Все мои произведения немного биографичны. Мне немало лет. А что, если написать художественную биографию? Это будет биография всего нашего революционного российского крестьянства на крутых исторических изломах — с 1921 года по нынешний день. Покажу ее через судьбы людей, близких, через мою судьбу. Могу забыть, где положил карандаш, а что было 30—40 лет назад, хорошо помню. Даже помню голод 1921 года. Мне было тогда около трех лет. Перед носом у меня пронесли буханку хлеба — я оглох от ее теплого запаха...

Многое исчезает. А поучительно для молодых, через какие тернии прошли.

Если бы не роман о Сталинграде, я бы все отложил и стал писать...

Да, недаром Алексеев не раз повторял: «Сеятель и хранитель, пахарь и солдат, по-видимому, останутся главными моими героями до конца дней моих...»

УЗЫ ПОРОЧН

Василий КОНДРАШОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАМЕТКИ

Между Израилем и Южно-Африканской Республикой пролегли многие тысячи километров, практически весь африканский континент. Неодолимый процесс освобождения Африки, получивший особое развитие в 1960-х годах, вел к консолидации молодых независимых государств этого континента, сплочению их рядов. По-своему этот процесс отразился и на взаимоотношениях между двумя форпостами империализма — Израилем и ЮАР. С каждым годом связи между Преторией и Тель-Авивом становятся все теснее, по существу оба государства образуют один военно-экономический союз, направленный на ограждение интересов империализма в Африке, расширение сфер его влияния.

Претория признала Израиль еще в 1948 году. И уже в 1950 году первый израильский премьер-министр Моше Шарет нанес продолжительный визит в ЮАР. Все это нашло отражение в официальных документах, посвященных израильско-южноафриканским связям. Но в отношениях между этими двумя государствами имели место и такие события, которые не попали в календари. В том же 1948 году, например, южноафриканские летчики приняли участие в агрессивной войне, которую Израиль развязал на Ближнем Востоке.

Но уж если говорить о первых контактах между Израилем и ЮАР, то придется обратиться к далекому 1917 году, когда в Лондоне состоялась встреча между будущим премьер-министром ЮАР генералом Яном Смэтсом и будущим первым президентом будущего государства Израиль Хаимом Вейцманом. Вейцман, писал американский журнал «Сазерн Африка», «приложил много усилий, чтобы связать создание еврейского государства с имперскими интересами Запада вообще и с интересами Англии в особенности». Журнал подчеркивает, что как Смэтс, так и Вейцман главной целью ставили перед собой обеспечение «каждому государству стратегических функций защиты западных глобальных интересов... Сегодня широко рекламируемые идеологические симпатии, которые первыми почувствовали друг к другу Смэтс и Вейцман, вылились в весьма развитые материальные и политические связи».

За визитом Шарета в Преторию началось сближение Израиля и ЮАР, увидевших друг в друге естественных союзников. Нельзя, впрочем, сказать, что отношения между Израилем и ЮАР развивались все время гладко. В 1960-х годах Тель-Авив, чрезвычайно озабоченный недостатком политической поддержки в Африке, предпринял широкое дипломатическое наступление на страны Тропической Африки. Установление дипломатических отношений, экономических связей с рядом государств этого района вызвало определенное раздражение Претории. Отношения между двумя форпостами империализма несколько охладели.

Однако все «поставила на свои места» израильская агрессия против соседних арабских государств, предпринятая в 1967 году. Почти все африканские государства, возмущенные наглостью агрессора и исполненные солидарности с арабскими странами — жертвами агрессии, порвали дипломатические отношения с Израилем.

Претория неизменно поддерживала Израиль, когда он предпринимал агрессивные действия против арабских государств. Режим ЮАР оказал Израилю помощь в 1967 году, во время его нападения на соседние арабские государства. Еще накануне июньских событий 1967 года в Израиль прибыла большая группа так называемых добровольцев, которые приняли самое активное участие в израильской агрессии. Особенно много среди них было военных летчиков. Кстати сказать, первым погибшим летчиком со стороны Израиля в этой войне был южноафриканец. Граждане ЮАР участвовали на стороне Израиля и во время военного конфликта Тель-Авива и арабских государств в 1973 году.

С 1967 года отношения между Израилем и ЮАР, которые по вине своих руководителей и западных стратегов оказались в растущей изоляции на африканском континенте, особенно интенсивно расширялись и укреплялись. Бурно росли торговые связи. Однако в отношениях между Израилем и ЮАР много тайного, темного, тщательно скрываемого от мировой общественности. Сведения о торговле не являются исключением из этого правила. А они, кстати сказать, весьма показательны. Официально известно, что торговый оборот между Израилем и ЮАР составил в 1978 году 100 миллионов долларов. На самом деле, как сообщает печать, только за алмазы, которые в необработанном виде поступают в Израиль, ЮАР получает ежегодно 700 миллионов долларов. Некоторые обозреватели приходят к выводу, что примерно такая же сумма идет на оплату израильского оружия, ввозимого из Израиля в ЮАР.

Нет необходимости говорить, что поставки оружия осуществляются в явное нарушение решений Генеральной Ассамблеи ООН, наложившей ряд санкций на расистский режим ЮАР за его политику апартеида. И тем не менее в ЮАР поступают крупные партии израильских самолетов «Арава», а также «Кфир» (оснащенных, кстати говоря, двигателями, изготовленными в США), стрелкового оружия, авиационных и противотанковых ракет, бронетранспортеров, катеров. Некоторые виды оружия изготовлены из южноафриканской броневой стали, в которую добавлены специальные присадки, разработанные в Израиле.

Словом, торговля процветает. Как заявил президент одной из крупных израильских фирм Д. Якубовиц, местных предпринимателей никоим образом не пугают перспективы торгового бойкота ЮАР со стороны ООН. Израиль ввозит не только алмазы, на обработке которых он получает колоссальные прибыли. ЮАР охотно продает Тель-Авиву стратегическое сырье, в частности уран, хром, марганец, поставляет крупными партиями уголь.

Израиль же не только сбывает в ЮАР оружие и различное электронное оборудование. Он оказывает Претории и другие немалые услуги. Как известно, Израиль обладает правом беспошлинного ввоза в западные страны своих товаров. Кроме того, более 27 тысяч изделий освобождены от пошлины при ввозе их из Израиля в США. В иностранной прессе Израиль часто именуют то мостом, то дверью, через которую товары из ЮАР в обход всех санкций и эмбарго попадают на рынки западных стран. Порой, чтобы придать видимость законности такой торговле, создаются совместные израильско-южноафриканские предприятия. Представители деловых кругов Израиля довольно цинично в таких случаях заявляют, что если кто-то вкладывает капиталы и строит в Израиле завод, а завод производит здесь продукцию, то эта продукция израильская. Как сообщала южноафриканская газета «Ранд Дейли мейл», из 43 миллионов рандов, вложенных ЮАР в экономическое развитие Израиля, львиная доля приходится на финансирование военной промышленности. Естественно, что сырье — сталь и чугун — для таких предприятий поступает из ЮАР. Израиль, писала с нескрываемым удовлетворением южноафриканская газета «Кейп таймс», готов и в будущем служить каналом для проникновения продукции ЮАР в страны «Общего рынка» и США.

Торгово-экономические отношения Претории и Тель-Авива стали настолько тесными, что наблюдается сращивание израильского и южноафриканского капиталов. Израиль служит и перевалочным пунктом для поставок оружия, причем самого современного, из стран НАТО в ЮАР. Военное ведомство США снабжает Тель-Авив данными и лицензиями относительно производства военной техники, а тот передает их Претории.

Такая сторона «сотрудничества» Израиля и ЮАР вызывает серьезную тревогу у африканской общественности. Выходящая в Луанде газета «Жорнал ди Ангола» писала: «Это преступнейшее сотрудничество злейших врагов африканских народов является лишним доказательством того, что расисты и сионисты, используя покровительство своих западных партнеров, бросают открытый вызов решениям ООН, согласно которым запрещена поставка оружия режиму апартеида и введено эмбарго на торговлю с ним».

Но самой плотной завесой секретности окружено сотрудничество между Преторией и Тель-Авивом в области разработки ядерного оружия, сотрудничество, которое продолжается с 1960-х годов. При поощрении западных держав, и прежде всего США, оно приняло очень тесный характер. Израиль снабжал ЮАР ядерной технологией в обмен на южноафриканский уран. В иностранной печати неоднократно появлялись сообщения, что Израиль и ЮАР являются обладателями ядерного оружия. Характерна в этом отношении недавняя публикация газеты «Вашингтон пост», которая, ссылалась на сведения ЦРУ США, писала, что пресловутый взрыв в Южной Атлантике в сентябре прошлого года был не чем иным, как испытанием ядерного оружия, проведенного совместно ЮАР и Израилем.

Ядерное оружие в руках сионистов и расистов — опасная вещь. Весьма зловеще в этой связи звучит высказывание министра обороны ЮАР генерала Кутзее, который заявил, что Претория не остановится перед применением этого оружия в качестве некоей «последней меры обороны».

Генеральная Ассамблея ООН в декабре 1979 года приняла резолюцию, в которой выразила глубокую обеспокоенность в связи с тем, что агрессивные режимы ЮАР и Израиля при прямом покровительстве и содействии западных держав упорно стремятся к обладанию ядерным оружием. Международное сообщество считает, что это представило бы величайшую угрозу для всего человечества.

Корни военного сотрудничества Израиля и ЮАР уходят в далекие уже 60-е годы. В основе его лежит общая реакционная сущность режимов апартеида и сионизма, агрессивный внешнеполитический курс обоих государств. И расистский режим Претории и сионистские власти в Тель-Авиве проявляют готовность выступать в качестве жандармских сил империализма. Не случайно растущее военное сотрудничество Израиля и ЮАР, в частности, в области борьбы с национально-освободительным движением, получает полное одобрение и поддержку Запада, и прежде всего Вашингтона.

И ЮАР и Израиль, свидетельствует алжирская газета «Эль-Муджахид», посылали военные миссии в Алжир, когда там еще шла война за независимость. Израильские советники были и в карательных войсках, действовавших в бывших португальских колониях, в частности, в Мозамбике и Гвинее-Бисау. Между ЮАР и Израилем никогда не прекращался обмен информацией и разведывательными данными.

По свидетельству английского еженедельника «Экономист», в 1975 году бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер просил Тель-Авив направить в ЮАР военных советников для инструктажа местных карателей в борьбе против освободительных сил Анголы. Собственно говоря, израильские советники были в вооруженных силах ЮАР и раньше. Призыв Киссинджера послужил толчком к новому притоку наемников. Израильские «командос» обучают методам борьбы с партизанами карателей из ЮАР. И ЮАР использует израильских наймитов в борьбе против суверенной Анголы, против Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) в Намибии. Достигнута специальная договоренность между министрами обороны ЮАР и Израиля и генштабами этих стран о службе в вооруженных силах ЮАР израильских наемников.

В апреле 1976 года йоханнесбургский корреспондент английской газеты «Дейли телеграф» сообщал, что израильские офицеры тесно сотрудничали с южноафриканской армией в планировании провалившейся ангольской кампании.

Через Израиль и ЮАР, как «признавал нынешний политический банкрот епископ Музорева, шли поставки вооружения бывшему родезийскому режиму. В декабре 1978 года получила широкую из-

вестность «бартерная» сделка Израиля с Родезией, когда за родезийский табак Тель-Авив поставил Солсбери 11 военных вертолетов американской конструкции. Уже тогда американская газета «Балтимор сан» писала, что «Израиль становится все более активным участником событий на юге Африки».

В 1975 году Генеральная ассамблея ООН постановила считать сионизм одной из форм расизма. А, как известно, официальная политика и идеология израильского руководства строится на сионизме. Известно и то, что в ЮАР апартеид возведен в ранг государственной политики. Приверженность расизму — в той или иной форме — обоих государств, общность главных идеологических и политических позиций обусловила многие совпадения в направлении внутренней и внешней политики ЮАР и Израиля. Внутренняя логика господствующей идеологии привела к тому, что отстоящие так далеко друг от друга ЮАР и Израиль можно назвать государствами-близнецами.

Сходство между ними порой поистине поразительно. Каждое из двух государств проводит карательные акции на незаконно оккупированных им территориях. Под пулями карателей из ЮАР падают женщины и дети в Намибии. А израильская солдатня наводит ужас на мирное население оккупированных ею арабских земель.

Пытаясь закрепиться в Намибии, превратить эту подопечную территорию ООН, располагающую колоссальными природными богатствами, в свою колонию, Претория не полагается исключительно на силу. Расистские власти ЮАР ищут своих квислингов, создают из них некое подобие законодательных органов, устанавливают марионеточный режим. Все это шито белыми нитками, из затеи Претории торчат ослиные уши неоколониализма. Но дело в том, что и Тель-Авив пытается на оккупированных арабских землях отыскать коллаборационистов. Правда, и израильские захватчики не могут похвастаться особыми успехами в этой области.

ЮАР нагло игнорирует резолюции ООН, требующие безотлагательного предоставления Намибии независимости. Упорно отказывается выполнять решения ООН об уходе со всех оккупированных им арабских земель и Израиль.

А разве не говорят о сходстве «внешней политики» Тель-Авива и Претории их нескончаемые бандитские рейды против соседних государств? Израильская военщина в последнее время избрала целью для своих варварских нападений Ливан. Что же касается Претории, то она подвергает бандитским налетам территорию суверенной Анголы.

Примечательно и то, что оба государства не подписывают Договора о нераспространении ядерного оружия. Более того, как уже упоминалось выше, они самым активным образом сотрудничают в его разработке.

Опасность порочного союза двух государств, проводящих при одобрении США и других стран Запада империалистическую политику на африканском континенте, очевидна. И Израиль и ЮАР всегда поддерживали раскольнические сепаратистские движения в Африке. Так было в дни авантюриста Чомбе, пытавшегося ради прибылей бельгийской компании «Юнион Миньер» отколоть Катангу от тогдашнего Конго, так было и с сепаратистами из богатой нефтью Кабинды, которые хотели отделиться от Нигерии. И совсем недавний пример. Оба расистских режима оказывали всестороннюю помощь сепаратистам в Анголе. Действуя таким образом, Израиль и ЮАР пытаются ослабить независимые суверенные африканские государства, дестабилизировать их, подобраться к их естественным богатствам.

Та же внутренняя логика расизма привела к тому, что и Тель-Авив и Претория осуществляют откровенно дискриминационную политику у себя дома по отношению к различным группам населения. И ЮАР и Израиль ревностно проводят политику сегрегации. Как вдохновители апартеида, так и идеологи сионизма утверждают, что расовые группы не могут жить вместе и никогда не смогут, а потому должны быть разделены, чтобы не смешиваться, и общение их должно быть сведено к минимуму. Общеизвестно, каким гонениям, унижению, эксплуатации подвергаются «неполноценные» жители ЮАР — африканское население, а также цветные и индийцы. С таких же, по существу, расистских позиций выступают и власти Израиля, население которого весьма неоднородно. От расовой дискриминации прежде всего страдают сефарды — евреи, прибывшие в «землю обетованную» из африканских и азиатских стран, а также арабы.

Указывая на близость идеологических и политических позиций этих двух расистских государств-близнецов, орган запрещенной в ЮАР партии Африканский национальный конгресс «Сечаба» пишет: «Режимы Тель-Авива и Претории объединены общностью высших интересов. Оба они построены на расистских принципах, оба опираются на штыки и тесным образом связаны с мировым империализмом».

Расистов и сионистов объединяет ненависть ко всему передовому, прогрессивному, стремление эксплуатировать африканское население, стремление к экспансии. В объятия друг к другу, если так можно выразиться, их толкнула изоляция, в которой они оказались в охваченной борьбой за окончательное освобождение Африке.

Западная печать в последнее время прилагает немалые усилия для того, чтобы показать наличие каких-то разногласий, якобы имеющих место в израильско-южноафриканских отношениях. Американская газета «Нью-Йорк таймс» писала, что эти отношения не такие прочные, какими бы их, дескать, хотели представить «враги той и другой страны». Нетрудно догадаться, что основная цель подобных утверждений западной прессы заключается в стремлении усыпить бдительность африканских народов, показать, что военно-политический союз между двумя форпостами империализма на африканском континенте не так, мол, уж и страшен.

Рассуждения о «слабеющих связях» Израиля и ЮАР не выдерживают никакой критики. Когда примерно два года тому назад ЮАР посетил министр финансов Израиля, английская «Гардиан» писала: «В момент, когда международная критика расистской политики ЮАР достигла наивысшего уровня, этот первый визит министра израильского кабинета красноречиво свидетельствует о том, что Израиль вряд ли окажется по отношению к ЮАР ненадежным другом».

В планах Тель-Авива и Претории четко просматривается намерение двух империалистических ставленников взять Африку в клещи, диктовать ей свои законы, получить доступ к ее природным кладовым.

Сходные, построенные на расизме идеологические концепции, общность человеконенавистнических идей сионизма и апартеида служат фундаментом для порочного союза между Израилем и ЮАР — позорного альянса, который представляет собой постоянный источник угрозы африканскому континенту и миру во всем мире.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ОГО АЛЬЯНСА

НАЕДИНЕ С

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

В зале около двухсот человек: взрослые и подростки, мужчины и женщины, выпускники ПТУ и ветераны труда. Казалось, нет ничего проще, чтобы отмолчаться, спрятаться за спиной соседа. Но встреча получилась острой, принципиальной. Ну как в самом деле молчать, если прокурор Балашихинского района В. Д. Дементьев рассказывает о том, что недавно городской суд рассмотрел дело о хищении с Кучинского комбината керамических облицовочных материалов двухсот квадратных метров плитки. Среди бела дня работники этого комбината Беликов, Сорокин, Меркулов и Поздняев вывезли целую машину готовой продукции! Это видели десятки людей, и никто не схватил хапуг за руку. Может быть, причина в том, что одним из инициаторов этого преступления был мастер цеха конвейерных линий Солодухин, с которым не хотелось портить отношений?! Ведь мастер — фигура, от него многое зависит, авось, при случае отблагодарит за молчание-то...

Промолчать, сделать вид, что не заметил... Одни «не заметят» дебошей или пьянок в подъезде из страха быть избитыми, другие промолчат о хамстве, очковтирательстве и приписках начальника из боязни быть уволенными, третьи из ложно понятого чувства товарищества не заметят, как сосед по цеху прячет под рубаху дефицитные запчасти.

Промолчать, посмотреть в другую сторону... Ох, как это просто. И как опасно! Раз промолчал из-за нежелания связываться, два — из «дружеских» побуждений, а потом найдутся люди, которые оплатят это молчание. В народе правильно говорят: сколько веревочке ни виться, а концу быть.

* * *

В сентябре прошлого года было опубликовано постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями». В нем есть такие слова: «Создавать атмосферу нетерпимости к расхитителям народного добра, злостным хулиганам, взяточникам». К кому они обращены? Проще всего, конечно, считать, что к работникам правоохранительных органов. Но этот ответ был бы неполным, ибо ни милиция, ни прокуратура ничего не смогут сделать без общественности. Создавать атмосферу нетерпимости должны мы сами, и нечего здесь надеяться только на дружинников и работников милиции.

Именно так поставил вопрос секретарь Балашихинского горкома партии Ю. Н. Сторожилов, открывая единый политдень, который проходил в Доме культуры Кучинского комбината керамических облицовочных материалов.

— Сегодня мы встретились, чтобы еще раз глубоко и детально изучить наиболее важные положения постановления ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями»,— сказал Ю. Н. Сторожилов.— Обществу развитого социализма чужды нарушения правопорядка, сама преступность и порождающие ее причины. Их устранение, как вы понимаете, впрямую связано с воспитанием людей, с комплексным подходом к этому важному делу, с формированием активной жизненной позиции каждого гражданина Советского Союза, каждого жителя нашего района. Во многих школах и ПТУ действуют университеты правовых знаний, практически на всех предприятиях регулярно читают лекции юристы и работники милиции, каждый вечер на улицы городов и поселков выходят сотни дружинников... Но, несмотря на это, есть у нас и алкоголики, и тунеядцы, и крупные кражи бывают, случаются и особо тяжкие преступления. Особенно горько то, что по детской преступности наш район чуть ли не в «лидерах». Давайте все вместе попытаемся разобраться в причинах этих правонарушений. Ведь есть же они, эти причины! Есть!

Затем выступил заместитель начальника Главного управления внутренних дел Московской области генерал-майор милиции В. И. Черноглазов.

Для начала генерал привел несколько фактов.

— За последние годы уровень судимости в нашей области заметно сократился. Изменился и сам характер преступности. Практически сейчас нет организованной преступности. Да и в вашем, Балашихинском районе, вы сами это, конечно, видите, стало гораздо больше порядка. И все-таки количество преступлений еще велико. Почти половина преступных действий совершена в нетрезвом виде. И еще одна горькая цифра: каждое седьмое преступление на совести подростков.

— Цацкаетесь вы с ними, нянчитесь — вот и распустились парни. Построже надо! — раздался голос из зала.

— Нянчимся? Нет, не нянчимся, а перевоспитываем. Кстати, заниматься этим должны не только мы, работники милиции, но и вы. Товарищ предлагает быть построже. Я прекрасно понимаю, что он имеет в виду: чуть что — раз, и за решетку. Так? Вы говорите, что парни распустились. Допустим. Но кто в этом виноват? Ведь очень часто вы начинаете бить в колокола и звать милицию, когда подросток уже основательно подпорчен, и не кем-нибудь, а взрослыми, рядом с которыми он живет и трудится. Скажите, только положа руку на сердце, видели вы хоть раз, как прямо в цехе или у ближайшего магазина немолодые рабочие обмывают первую получку с несовершеннолетним пареньком? Видели. Вмешались, остановили руку со стаканом водки, протянутым юноше?

— Попробуй вмешаться: так по шее накостыляют, что не рад будешь! — раздался голос из другого конца зала.

— Вот-вот, с этого все и начинается. Один побоится, другой пройдет мимо — не мое, мол, дело, не мой сын пьянствует, а третий и того хуже — сам составит компанию. Пока мы не поймем, что всех все касается, пока не станем активно вмешиваться во всевозможные безобразия, справиться со злом будет трудно, очень трудно. Видел кто-нибудь из вас, как в магазине продают водку несовершеннолетним? Видел, но замечания продавцу не сделал... Понятно — хлопотно это, рискованно. И продавец обругает, и подростки пригрозят. Так что же вы предлагаете: у каждого прилавка поставить милиционера, а в каждой подворотне заставить дежурить дружинников? Нет, товарищи, это не метод. Вспомните, чему учит нас партия: каждый гражданин должен занимать активную жизненную позицию. Активную! И можете не сомневаться: если вы сообщите в соответствующие органы, что где-то продают водку несовершеннолетним, где-то торгуют спиртным в неустановленное время, а в каких-то закоулках собираются выпивохи, поддержка милиции будет обеспечена! Более того, и мы и прокуратура будем благодарны за такие сигналы. Так, Василий Дементьевич?

— Конечно,— заверил прокурор.— Могу сказать, что такие сигналы были, и на их основании мы привлекали к строгой ответственности ряд работников прилавка.

— Вот видите! Далее. Ни для кого не секрет, что неблагополучные подростки, как правило, выходят из неблагополучных семей. Кто первым узнает, что в той или иной семье пьянствуют и дебоширят — сосед или участковый инспектор? Конечно, сосед. Много вы знаете случаев, чтобы соседи сами занялись такой семьей или вовремя сообщили в милицию? Мало? Я тоже. Тут снова можно сказать, что нас, мол, это не касается, что муж и жена — одна сатана и т. д. К сожалению, такая позиция приводит порой к самым настоящим трагедиям. В декабре прошлого года в вашем городе было совершено убийство гражданки Каштановой. Убил ее собственный муж. Соседи прекрасно знали, что в этой семье часто бывают пьянки, что муж не раз поднимал руку на жену, но помалкивали. Вот и домолчались...

Зал притих. Об этой трагедии знали многие, как, впрочем, не могли не чувствовать и то, что рано или поздно она произойдет. А думаете, никто не знал, что ранее судимый Фомичев нигде не работает, с рассвета до темна околачивается у питейных заведений, что-то перепродает и тем добывает деньги на выпивку? Но как все удивлялись, когда Фомичев ограбил прохожего и снова сел на скамью подсудимых! Что тут удивляться-то? Все логично, если хотите, закономерно.

Или другой случай. В позапрошлом году несовершеннолетний Володя Улюев был осужден за угон автомашины на один год лишения свободы, правда, с отсрочкой исполнения приговора. Володя тогда работал в депо станции Железнодорожная. Администрация, комсомольская и профсоюзная организации прекрасно знали, что за подросток у них в депо, но... наставника к нему не прикрепили, комсомольцы им не занимались, кадровые рабочие внимания на него не обращали. Итог этого безразличного отношения к судьбе подростка печальный: Владимир начал выпивать и в конце концов совершил серьезное преступление — участвовал в краже из квартиры. Был суд. Теперь парень не скоро выйдет на свободу. Слов нет, он виноват и понес заслуженное наказание. Но я хочу привести несколько строк из постановления ЦК КПСС, которому посвящен политдень: «Обращено внимание руководителей предприятий, строек, учреждений, секретарей партийных, комсомольских организаций, председателей комитетов профсоюзов, начальников цехов, смен, участков и бригадиров на их персональную ответственность за состояние дисциплины и правопорядка... Следует строго спрашивать с тех, кто проявляет равнодушие и беспечность в этом деле».

Именно эту персональную ответственность имела в виду председатель народного суда города Железнодорожного Н. И. Киселева, когда говорила о том, что частные определения по тем или иным делам подолгу не разбираются, что комиссии по делам несовершеннолетних лишь рассматривают материалы о правонарушениях подростков, но контроль за исполнением своих решений не осуществляют.

— Взять хотя бы такие на первый взгляд простые и невинные дела, как взыскание алиментов,— взволнованно говорила Н. И. Киселева.— В начале прошлого года городской суд рассмотрел дело о взыскании алиментов с рабочего вашего комбината А. С. Гребенца: он пропивал зарплату, и жена просила деньги на воспитание детей

СОВЕСТЬЮ

выплачивать ей. Сколько времени прошло, а ответа на частное определение до сих пор нет. Значит, ни товарищи по бригаде, ни цеховой комитет профсоюза, возможно, даже не знают, что за человек работает в их коллективе. Я не хочу проводить аналогий, но в моей практике бывали случаи, когда алиментное дело перерастало в бракоразводное, потом — о разделе жилплощади и имущества, а позже на почве жестоких побоев бывшей жены гражданское дело становилось уголовным, которое заканчивалось заключением на большой срок. Я призываю вас, товарищи, помнить о том, что человека легче остановить, когда он сделал первый шаг не в ту сторону — быть может, он вообще случайно оступился. Я призываю помнить и о том, что легче воспитывать, чем перевоспитывать, что воспитывать можно лишь тогда, когда человек еще не потерял стыда и совести, не стал циником, не махнул рукой на себя и на свою жизнь. И тут многое, если не все, зависит от вас, товарищей по бригаде и цеху, руководителей предприятий и общественных организаций.

— Вопрос можно?—поднял руку пожилой рабочий и, получив разрешение, встал.— Вот вы все призываете — и судья, и генерал, и прокурор: присматривайте, мол, граждане, за соседями, приструнивайте несовершеннолетних, перевоспитывайте алкоголиков. Оно, конечно, верно — нам иногда видней, что за семья за стеной и что за парни толкутся в подъезде. Но ведь правильно говорил товарищ с нашего комбината: вмешаешься — не рад будешь. Вы можете сказать, что это может стать основанием для возбуждения уголовного дела: подавай, мол, в суд, и обидчик получит по заслугам. Но, во-первых, это очень хлопотно: и свидетели нужны, и заключение медицинской экспертизы, и... Словом, вы это знаете лучше меня. А во-вторых, к чему мне суд, допустим, если я уже пострадал только из-за того, что за кого-то заступился. Мне поддержка нужна, а порой и защита, и не потом, а в тот момент, когда оскорбляют или угрожают жизни!

Зал одобрительно загудел.

С места поднялась взволнованная женщина:— Тут вот призывают ничего не бояться, во все вмешиваться и самим перевоспитывать хулиганов и пьяниц. Правильно, мы должны помогать. Но вы посмотрите, сколько народу собирается у магазинов к открытию винно-водочных отделов. Кого там только не увидишь: рабочие, интеллигенты, старики, молодежь и, что самое горькое, женщины. А рядом — дети. Что они видят, что слышат, чему учатся?! Здесь и милиции надо быть построже. Сколько можно с этой публикой нянчиться? Ведь их-то искать не надо, они на виду.

— Да, на виду. Да, мы их знаем в лицо и возимся с этой публикой немало. Но количество алкоголиков и тунеядцев в городе, к сожалению, сокращается медленно,— сказал начальник Железнодорожного городского отдела внутренних дел А. И. Фонарев.— Думаю, что причина этого прежде всего в том, что на многих предприятиях на пьяниц смотрят снисходительно. Ведь «клиентура» медвытрезвителей более или менее постоянная. Значит, на наши сообщения по месту работы не обращают должного внимания и не дают принципиальной оценки выпивохам. Судите сами. Только в феврале этого года за появление в нетрезвом виде и мелкое хулиганство были задержаны рабочие вашего комбината Николаев, Невежин, Мураев и Родионов. Есть в городе и тунеядцы. Казалось бы, нет ничего более дикого, чтобы в наше время, в нашем обществе были люди, которые нигде не работают, не учатся, а между тем одеты, обуты, сыты и даже пьяны. Ведь давно сказано: кто не работает, тот не ест. Эти же не только едят, но и пьют. Что это за люди? С юридической точки зрения тунеядцем считается человек, который длительное время — более четырех месяцев подряд или в общей сложности в течение года — уклоняется от общественно полезного труда, стремится жить за счет других или за счет общества. Кстати, в соответствии с законом злостные тунеядцы наказываются лишением свободы сроком до двух лет. Есть и другое, на мой взгляд, более суровое наказание: в прошлом году народный суд шестнадцать человек лишил родительских прав. В основном это, к сожалению, женщины — как тунеядцы, так и алкоголики. Но самая страшная опасность тунеядства в том, что она питательная среда преступности.

Что касается вопроса, где бывают работники милиции в тот момент, когда необходима их помощь, то тут я должен сказать, что еще не было случая, чтобы кто-то из наших сотрудников отказал кому-нибудь в помощи. Не было и не будет! Другое дело, что мы не всегда оказываемся в нужный момент на нужном месте. Не могу не признать, что в этом отношении нам еще многому предстоит учиться. Работники нашего отдела молоды: их средний возраст всего двадцать пять лет. Многих вы прекрасно знаете. Совсем недавно в цехах вашего комбината работали товарищи Куприянов, Кудрявцев, Сандрыкин, Киселев, Бирюнов, а теперь они, получив путевки коллектива, надели милицейскую форму. Все они учатся в специальных учебных заведениях, повышают свое мастерство, но... уж очень непростая наша профессия. Работник милиции учится всю жизнь — учится в институтах, академиях, а главным образом — у людей и жизни.

Есть в работе нашей милиции и еще один, быть может, самый важный фактор: связь с народом. И когда милиции трудно, мы обращаемся к народу. Обращаюсь я к вам и сейчас. Речь о тех, кто уклоняется от труда. Мы знаем практически их всех в нашем городе, не раз трудоустраивали, говорили по душам, пьющих лечили, но без вашей помощи нам не обойтись. Это факт. Ведь пока человек в здоровом рабочем коллективе, он живет по законам этого коллектива. Надо сделать все возможное и невозможное, чтобы эти законы стали нормой его жизни и за воротами завода. К этому призывает нас партия. Не случайно в постановлении, о котором сегодня речь, есть такие слова: «Обеспечить своевременное выявление лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда. Добиваться их трудоустройства и закрепления в коллективах».

— Мы стараемся. Мы делаем все возможное, чтобы эти люди не увольнялись, не пили, не воровали, но, к сожалению, успехи тут пока что скромные,— сказал секретарь парткома комбината В. А. Поташук.— Заработки у нас хорошие, Дом культуры прекрасный, с жильем неплохо, комбинат награжден орденом Трудового Красного Знамени. А какой стадион, какая самодеятельность! Большую работу ведет общественный отдел кадров, есть достижения и у совета наставников. Только в добровольной народной дружине более четырехсот пятидесяти человек. Но... Текучесть кадров довольно высокая. Алкоголики, как вы уже слышали, есть. Хищения, увы, тоже бывают. Убыток от этого, и материальный и, что особенно важно, моральный, велик. Сегодня еще не говорили о прогулах, опозданиях и связанных с этим простоях оборудования. Мы подсчитали, что только за счет этого комбинат мог бы дать дополнительно облицовочных материалов на восемьдесят тысяч рублей!

В постановлении ЦК КПСС, которое мы сегодня изучаем, есть рекомендация расширять сеть наркологических учреждений, в том числе на предприятиях. На нашем комбинате наркологический диспансер работает уже около шести лет. Результаты неплохие: десятки рабочих комбината и других предприятий города прошли курс лечения, так сказать, без отрыва от производства и вернулись в строй здоровыми, полноценными, полезными членами общества.

Как видите, мы не сидим сложа руки и многое делаем, чтобы и в городе и на предприятии не нарушался правопорядок, чтобы люди могли спокойно жить и работать. Но результатами этой деятельности мы не удовлетворены. Поэтому всю критику в адрес комбината я принимаю и заверяю, что этот урок пойдет нам впрок. Об одном важном мероприятии я могу сообщить уже сейчас. Недавно на расширенном заседании парткома было принято решение создать социальный паспорт комбината и нашего микрорайона. Пока что мы знаем работников предприятия в лучшем случае в лицо. О членах их семей вообще понятия не имеем. А ведь надо четко представлять, чем они живут, чем дышат, чем болеют — в прямом и переносном смысле слова. Тогда и только тогда можно будет вести целенаправленную воспитательную работу, активно вмешиваться — разумеется, когда это необходимо,— в судьбы людей слабых, оступившихся, нуждающихся в дружеской поддержке, а то и предостережении, разбирать семейные и производственные конфликты. Мы прекрасно понимаем, что социальный паспорт не панацея от всех бед, а, простите за такое сравнение, лишь карточка больного, изучив которую хороший врач всегда назначит нужное лекарство.

— Главное же, товарищи, все мы должны понять,— сказал в заключение В. А. Поташук,— что претворение в жизнь постановления ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» не кратковременная кампания, а ежедневный кропотливый труд, если хотите, ежедневная борьба. И главным союзником в этой борьбе каждому из нас должна стать наша совесть — совесть коммуниста, совесть гражданина Советского Союза.

Есть о чем подумать сидящим в зале... Фото А. Бочкинина

ЯСНАЯ ПОЛЯНА — НАВСЕГДА

Ясная Поляна... Прозрачные, легкие, душистые слова. Сколько в них явного и сокровенного смысла, как дороги они сердцу всякого человека, какой волшебной тайной окружено все, что связано с ними!

Ясная Поляна... В череде мемориальных музеев-заповедников она занимает... нет, не особое, а поистине святое место. Утрата каждой, даже самой малой частицы ее — невосполнимая потеря.

Это не требует доказательств, с этим все согласятся.

Постановлением ВЦИК 1921 года вменялось сохранить «в историческом и неприкосновенном виде» не только усадьбу, но и мемориальные насаждения — живые памятники, саму яснополянскую природу, в том числе и садово-огородную, со всеми ее лесами, лугами, полями, парками и водами, — сохранить такой, какой она была в последний год жизни Толстого.

Хранили. Берегли как зеницу ока. А после войны самоотверженно восстанавливали — по деревцу, по травке. И из года в год, из десятилетия в десятилетие встречали паломников, стекавшихся со всех концов света, хвойные лапы «прешпекта», дурманящее некошеное разнотравье и белая кипень знаменитого яблоневого сада, который Лев Николаевич посадил своими руками и за которым до последнего дня заботливо ухаживал.

Сейчас все это под угрозой гибели. Многое уже погибло безвозвратно. Крупный промышленный комплекс, выросший вокруг Ясной Поляны в 60-е годы, вызвал на четырехстах заповедных гектарах музея быстрое загрязнение атмосферы и гидросферы, резкие изменения микроклимата и гидрологического режима почв. Рано начала желтеть и опадать нежная листва берез, систематические выбросы вредных веществ окрестными предприятиями уничтожили все мемориальные хвойные культуры, вплоть до неотъемлемых елочек-ромбов у любимой скамейки писателя. Умирают вековые дубы и только что высаженный молодняк. Та же участь постигла чудесные реликтовые яблони с выведенными агрономом заповедника Ю. К. Федоровой старинными сортами, столь любимыми Толстым...

Федорова и ее товарищи боролись: писали, ходили по инстанциям, доказывали. Они были не одиноки в этой борьбе, но победы так и не одержали. К сожалению, над заповедником нависли новые опасности. С каждым годом ему все труднее отражать самочинные посягательства местной промышленности на его границы. Выступление газеты «Советская Россия» в защиту Ясной Поляны пока не принесло желаемых результатов. Реакция соответствующих ведомств и организаций никак не может удовлетворить тех, кому небезразлична судьба вдохновенного уголка России, которому мы обязаны величием нашей литературы.

То, что Ясную Поляну необходимо сохранить в ее прекрасной, толстовской первозданности, слишком очевидно. Однако, к сожалению, именно самое очевидное нередно приходится отстаивать, не щадя ни сил, ни времени. Одно из важнейших постановлений нашей страны — постановление об охране природы обязаны неукоснительно соблюдать все и повсеместно. В случае же с Ясной Поляной исполнение и соблюдение этого постановления становятся патриотическим долгом. Чтобы и через сто лет приезжающие сюда смогли испытать счастье увидеть окружавший Толстого мир, увидеть его глазами.

Ю. ОСИПОВ

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

21 декабря нынешнего года исполняется восемьдесят лет со дня рождения Всеволода Вишневского. В преддверии знаменательной даты вышла в свет книга Виктора Хелемендика, посвященная жизни, творчеству и общественной деятельности выдающегося советского драматурга, публициста и киносценариста, пьеса которого «Оптимистическая трагедия» вот уже без малого полвека не сходит со сцен театров, а фильм «Мы из Кронштадта», поставленный по его сценарию, вошел в золотой фонд мирового киноискусства.

Книга выпущена в серии «Жизнь замечательных людей», чем справедливо подчеркивается исключительность личности писателя-гражданина, сравнительно короткая биография которого вместила столько событий, что их с лихвой хватило бы на несколько жизней.

«Человек-огонь», «человек-легенда»... Так называли его еще при жизни — за страстность, вулканический темперамент, за беспредельную преданность делу революции, партии, народа,— пишет Хелемендик, подводя итоги своему исследованию.— Ровесник века, он прошел через все испытания, выпавшие на долю поколения, а бурлившие в нем страсти, жажда деятельности неизменно выносили его на передний край судьбы».

С чего начинается отсчет биографии Вишневского? Не с того ли декабрьского утра, когда он, четырнадцатилетний гимназист, сын петербургского инженера, обуреваемый ура-патриотическими чувствами, тайком от отца бежит из дома на фронт, в действующую армию, становится разведчиком, георгиевским кавалером? Или с ночи 25 октября 1917-го, когда он в цепи красногвардейцев идет на штурм последней цитадели старого мира — Зимнего дворца? А может, точнее будет начать отсчет с весенних дней восемнадцатого, когда он, доброволец 1-го берегового отряда, сформированного из балтийских моряков, несет охрану переехавшего в Москву Советского правительства, В. И. Ленина, участвует в разгроме штаба анархистов и других рискованных операциях? А, кроме этого, в послужном списке Вишневского следует: пулеметчик на легендарном буксире «Ваня-коммунист» Волжской военной флотилии и в Заднепровской бригаде бронепоездов, лихие рейды в составе Первой Конной, вылазки в тыл врангелевской армии и бои, бои, бои...

Мужественно и самоотверженно действует Вишневский и в грозные годы Великой Отечественной войны. Он участвует в обороне Таллина, вместе с последними защитниками эстонской столицы совершает героический рейс в Кронштадт, все 900 дней блокады проводит в осажденном Ленинграде, принимает участие в штурме Берлина...

Ярко и интересно, с привлечением множества документальных свидетельств Хелемендик прослеживает сложный путь писателя, знавшего и радость взлетов и горечь неудач, вводит нас в его творческую лабораторию, раскрывает особенности дарования, подчеркивая черты, роднящие произведения Вишневского с произведениями певца революции В. Маяковского. Зримо показана обстановка в литературе и искусстве тех лет, жаркие схватки во имя торжества принципов социалистического реализма, непременным участником которых, «возмутителем спокойствия» был Всеволод Вишневский. Он, пишет Хелемендик, «поражал своей прямолинейной требовательностью, особенно если речь шла о защите идейных позиций, о борьбе против лицемерия, предательства, лавирования в человеческих отношениях. Тут он в своем стремлении драться был неукротим».

Почти тридцать лет прошло, как перестало биться сердце писателя-коммуниста. Но по-прежнему, волнуя и потрясая, живут его сценические и экранные герои. И вместе с ними живет и будет жить имя Всеволода Вишневского.

Иван ИСАЕВ

Виктор Хелемендик. «Всеволод Вишневский». «Молодая гвардия». 1980. 398 с

В залах выставки.

Фото А. Бочинина

КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Куликовская битва... Рубеж истории нашей Родины, славный день великой, долгожданной победы над ордами врага. Этой патриотической теме посвящен цикл картин народного художника СССР Ильи Глазунова, над которым он работал несколько лет.

28 произведений, среди которых «Канун», «Нашествие», «Дмитрий Донской», «Проводы войска», «Поединок», «Бегство врага», экспонируются на выставке, открывшейся на днях в Москве, в Музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева.

Это новые страницы в истории нашей отечественной живописи.

ДОБРАЯ ВЫСТАВКА

В. В. Ковкина за работой.

Звучит пастуший рожок, и перед глазами возникает картина из детства: предутренняя дымка, стадо, медленно вышагивающее на звук рожка... Когда-то рожечники из Владимирщины выступали в Москве, Петербурге, Париже. Василий Борисович Шиленков, их земляк, и играет на рожках и создает их. Он делает еще жалейки, свирели, ударные инструменты. Заказы приходят из музыкальных школ, от коллективов народных инструментов.

...Почти четыреста экспонатов было собрано со всех концов Российской Федерации на выставке «Народные мастера России». Полтора года готовили эту выставку: искали мастеров, работающих в устойчивых народных традициях.

Здесь же проходили и Дни народных ремесел, когда художники делились секретами мастерства: показывали, как они работают. Прасковья Степановна Тимофеева из Горьковской области ремеслу научилась от отца и лепит игрушки с детства. Эта мастерица улыбчива, с добрыми, веселыми глазами, и игрушки у нее такие же добрые, из поэтического мира сказки. Ярко расписаны забавные звери, даже вещая птица Сирин у нее улыбается.

Нарядны глиняные игрушки Валентины Венедиктовны Ковкиной из Курской области: барышни, гармонисты, медведи, традиционные русские свистульки. Возле Ковкиной первоклассница московской школы лепит зайца.

— А теперь сделай цветочек и дай его зайцу! — учит девочку Ковкина.

На игрушки идет синяя глина, которая после обжига становится белой. Расписаны игрушки малиновым, синим, желтым, зеленым... Чтобы краски были нарядное, в них добавляют молоко, сахар, желток.

Важно сохранить и передать другим секреты мастерства. И Валентина Венедиктовна учит своего внука — это его свистульки привезла она на выставку. А зимой мастерица будет работать с детьми в школе, на уроках труда.

Каких только экспонатов не было на этой нарядной и праздничной выставке! Вот «добрая» птица: ее вешают над столом, в переднем углу избы. От дуновения ветра птица поворачивается, словно охраняя покой семьи, отсюда и название. Таких птиц мастер И. С. Медведев из Ленинградской области делает из двух сосновых досок: одна идет на голову и хвост, а другая — на крылья. Работая над птицей, он пользуется только топором.

Разнообразны изделия из бересты: корзины, кузова, праздничные туеса, шляпы и даже непромокаемые куртки! А какие погремушки-шаркунки мастерят поморы в длинные зимние вечера. И у каждой погремушки свой голос. Поражают красотой половики-дорожки, делающие русские избы такими уютными. Традиционные лоскутные одеяла по красоте не уступают коврам.

Мастера, приехавшие в Москву на Дни народных ремесел, — все больше люди немолодые. Вот ткет на станке яркий красочный гобелен Екатерина Емельяновна Васина из Подмосковья. Свое мастерство она уже передала дочери, Клавдии Алексеевне Шкорупинской, диспетчеру фабрики. А ей немногим более тридцати. Каждую свободную минуту дома Клавдия за станком, а муж часто помогает ей советом. Учатся мастерству у старших и дети.

Красочные скатерти, полотенца, сумки — работы Лидии Ивановны Полудницыной из села Красноборск, Архангельской области. Теперь она пенсионерка, а во время войны воевала, имеет медаль «За боевые заслуги». Ткачество радует ее, приносит удовлетворение...

Да и все работы проникнуты радостью, добротой. И сама выставка помогает сохранению народных традиций, сохранению красоты.

И. МИХЕЕВА

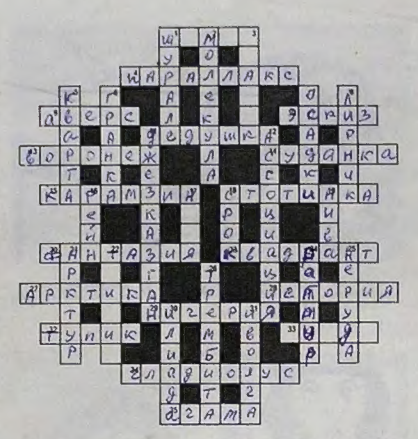
«Была бы у человека голова, а дело ей найдется», — считает наш читатель К. Регги, который прислал нам эти фотографии.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Промысловая рыба семейства карповых. 4. Угол, измеряющий видимое смещение небесного светила. 9. Лицевая сторона медали. 10. Предварительный набросок картины. 11. Поэма Н. А. Некрасова. 13. Областной центр РСФСР. 14. Засухоустойчивый кормовой злак. 15. Русский писатель и историк. 18. Болгарская монета. 20. Музыкальная пьеса свободной формы. 23. Четвертая часть круга. 27. Советский атомный ледокол. 28. Наука о развитии человеческого общества. 29. Государство в Западной Африке. 32. Северная морская птица. 33. Приток реки Лены. 34. Декоративное луковичное растение, цветок. 35. Ящерица, обитающая в тропических лесах, пустынях.

По вертикали: 1. Балет Ф. 3. Яруллина. 2. Наименьшая частица химического соединения. 3. Чешский композитор, музыкальный критик, педагог. 5. Музыкальный интервал. 6. Столбец типографского набора. 7. Атмосферная влага, выпадающая на землю. 8. Странствующий в прошлом музыкант-певец на Украине, в Белоруссии. 11. Город в Казахстане. 12. Объединение, союз. 16. Река в Западной Европе. 17. Действующее лицо в пьесе М. Горького «Враги». 18. Определенный промежуток времени для выполнения работы, задания. 19. Марка советского зерноуборочного комбайна. 21. Наиболее яркая звезда в созвездии Волопаса. 22. Радиоактивный изотоп водорода. 24. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 25. Чилийский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 26. Украинский духовой инструмент. 30. Древнегреческая эпическая поэма. 31. Лесная певчая птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 4. Образование. 9. Геркулес. 10. Ильменит. 11. Сито. 12. Соликамск. 14. Реут. 15. Дездемона. 17. Штормтрап. 19. «Кобзарь». 20. Николаи. 23. Коррекция. 26. Пантомима. 30. Диск. 31. Вагонетка. 32. Заря. 33. Гидрофон. 34. Нейтрино. 35. Послесловие.

По вертикали: 1. Марселина. 2. Морошка. 3. Вариометр. 5. Гедике. 6. Аккорд. 7. Декрет. 8. Дикуша. 12. Сумароков. 13. «Курсистка». 16. Забор. 18. Ралли. 21. Диагональ. 22. Вахтангов. 24. Оливин. 25. Ракурс. 27. Мозырь. 28. Мурена. 29. Анапест.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Газовщик Герой Социалистического Труда Владимир Григорьевич Куприянов и его сын Олег работают в одном цехе. (См. в номере материал «Огни над Шексной».)
Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ясная Поляна. Дом Л. Н. Толстого. * Пора сенокоса на земле Толстого. * Березы Ясной Поляны. (См. в номере материал «Ясная Поляна — навсегда».)
Фото А. Гостева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 13.10.80. Подписано к печати 28.10.80. А 00446. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2510. Заказ № 3110.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Было в нашем доме, в просторном полуподвале, помещение, предусмотренное для красного уголка. Задумывалось разместить здесь детские кружки, самые разные, на любой ребячий вкус, и среди взрослых находились, конечно, охотники повозиться с ребятней в свободный час.

Но, увы, полуподвал сдали в аренду. Поселилось в нем вроде бы на время какое-то бездомное учреждение. От благих намерений занять подростков осталось обветшалое извещение о том, что проводится запись в изокружок, да еще мокнущие под дождем кульки с гипсом и глыба мрамора.

Неподалеку от нас, в другом микрорайоне Москвы, есть похожий на наш многоэтажный жилой дом. Он выстроен для рабочих крупного машиностроительного завода «Знамя революции». Весь первый этаж, по замыслу заказчика, был заранее спроектирован как клуб юного техника.

Ведомственные соображения? Забота о завтрашнем дне предприятия, о подготовке его рабочей смены? Разумеется, думали об этом.

— Но мне хочется подчеркнуть,— говорит нам Людмила Александровна Алексеева, которая вот уже скоро пятнадцать лет, почти со дня основания этого очажка детского технического творчества, руководит им,— хочется подчеркнуть, что наш клуб открыт для всех ребят города. Никаких территориальных и ведомственных ограничений! Директор завода Иван Иванович Румянцев и заводской профсоюзный комитет с самого начала поставили это обязательное условие. Среди четырехсот с лишним занимающихся у нас немало таких, которые приезжают из других районов Москвы...

Шестнадцать технических кружков в этом клубе на Полтавской улице. Плюс семь так называемых прикладных кружков. Технический уклон естествен. Но главное, чего здесь ждут от ребят,— умение мыслить и действовать самостоятельно.

«Не уверен — не обгоняй!» — такую озорную надпись прочитали мы на крыле действующей модели воздушного лайнера. Сделал эту надпись — и модель, конечно,— Витя Хомутов, ученик 209-й школы.

— Это, что ж, Витюша, вызов друзьям-соперникам?

Паренек прищурился хитро:

— Можно подумать и так...

Дух творческого соревнования... Здесь он воспитывается сызмала. Крепнет с ростом познаний.

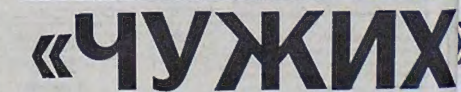
Семилетними малышами-первоклассниками приходят ребята в кружок начального технического моделирования, которым руководит инженер-конструктор Виктор Степанович Васюта.

Перед нами модель, которую ее создатели назвали «Тренажер, пилот, космонавт». Замысел и исполнение принадлежат ребятам из кружка электронной автоматики, которым руководит электромонтажник Юрий Константинович Лаповенко. На всесоюзном конкурсе детского технического творчества «Космос» эта модель, тоже действующая, получила третье призовое место, а ее создатели Сережа Чуприн, Павел Москвенко, Игорь Сафутин, Володя Саванов и другие соавторы-ребята во главе со своим «техноруком» были удостоены медалей ВДНХ!

Валентин Владимирович Ханин ведет сразу два кружка — судомоделистов и космического моделирования. Самых многочисленных и притом широкого возрастного диапазона! Можно представить,

Он в шутку написал на крыле своего первого самолета: «Не уверен — не обгоняй!». И еще: «Ногами не наступать».

сколько приходится готовиться Валентину к занятиям, чтобы не осталось без исчерпывающего ответа ни одно «почему» да «отчего».

В кружке космического моделирования зародилась у ребят идея: создать модель орбитальной космической станции будущего и назвать ее «Сто лет Союза ССР». Решили сконструировать нечто такое, что было бы достойно по своему техническому уровню этой славной даты...

И справились, да еще как! Пятое место по стране заняли в конкурсе работ воспитанников клубов юных техников, традиционном ежегодном творческом соревновании, проводимом редакцией журнала ЦК ВЛКСМ «Моделист-конструктор». Лауреатами стали Миша Дягилев, Игорь Лутонин, ученики восьмого класса 207-й школы, и Валера Регин, их ровесник из школы 211...

— Успех работы каждого детского клуба,— говорит Людмила Александровна,— в решающей степени зависит от чувства ответственности руководителей кружков. Я бы сказала, что это чувство должно быть отцовским или, если преподаватель молод, чувством старшего брата. Нам повезло — руководители кружков подобрались один к одному: подвижники, энтузиасты, словом, друзья детства настоящие...

На занятиях начинающих радиолюбителей мы познакомились с инженером Дмитрием Сергеевичем Скорлупкиным.

— Скажите, — поинтересовались мы у наставника детворы,— что заставляет тратить время на в общем-то чужих ребят!..

— Люблю возиться с ребятами. Очень любопытный народец!..

Художник Юрий Михайлович Унанов, человек в годах, многоопытный, руководит кружком «Природа и творчество». Он с гордостью за своих подопечных показывает расставленные на стеллажах изделия из простой соломы, иллюстрации к сказкам, изображение двадцатиглавого собора. Молодой коллега Юрия Михайловича, руководитель кружка технической эстетики Вячеслав Герасимов, демонстрирует работы своих учеников, овладевающих искусством чеканки по металлу...

Обо всем и обо всех, конечно, не расскажешь. Постоянна и крепка связь клуба с родителями, со школьниками, педагогами, с пионерским отрядом и комсомолией.

* * *

Пришла осень. Снова многолюдно в клубе юных техников при московском машиностроительном заводе «Знамя революции». «Чужих», посторонних ребят нет...

Руководитель кружка технической эстетики Ю. С. Степанов.

Конструировать — значит обязательно с кем-то и о чем-то спорить.

Задачи здесь бывают посложнее, чем на школьных уроках... Занятия кружка электротехники и автоматики ведет Ю. К. Лаповенко.

» В КЛУБЕ НЕТ!

ISSN 0131-0097

Цена номера 35 коп.